

СЕНТЯБРЬ '87

**Твои заботы,
комсомол.**

Право на поиск

**Кооперативы
наших дней.**

Уроки и опыт

Виктор Розов.

Верю в молодых!

Отечество.

Музейный
ренессанс

**В это нельзя
поверить.**

Письмо читателя

Юрий Нагибин.

Скульптор
Голубкина

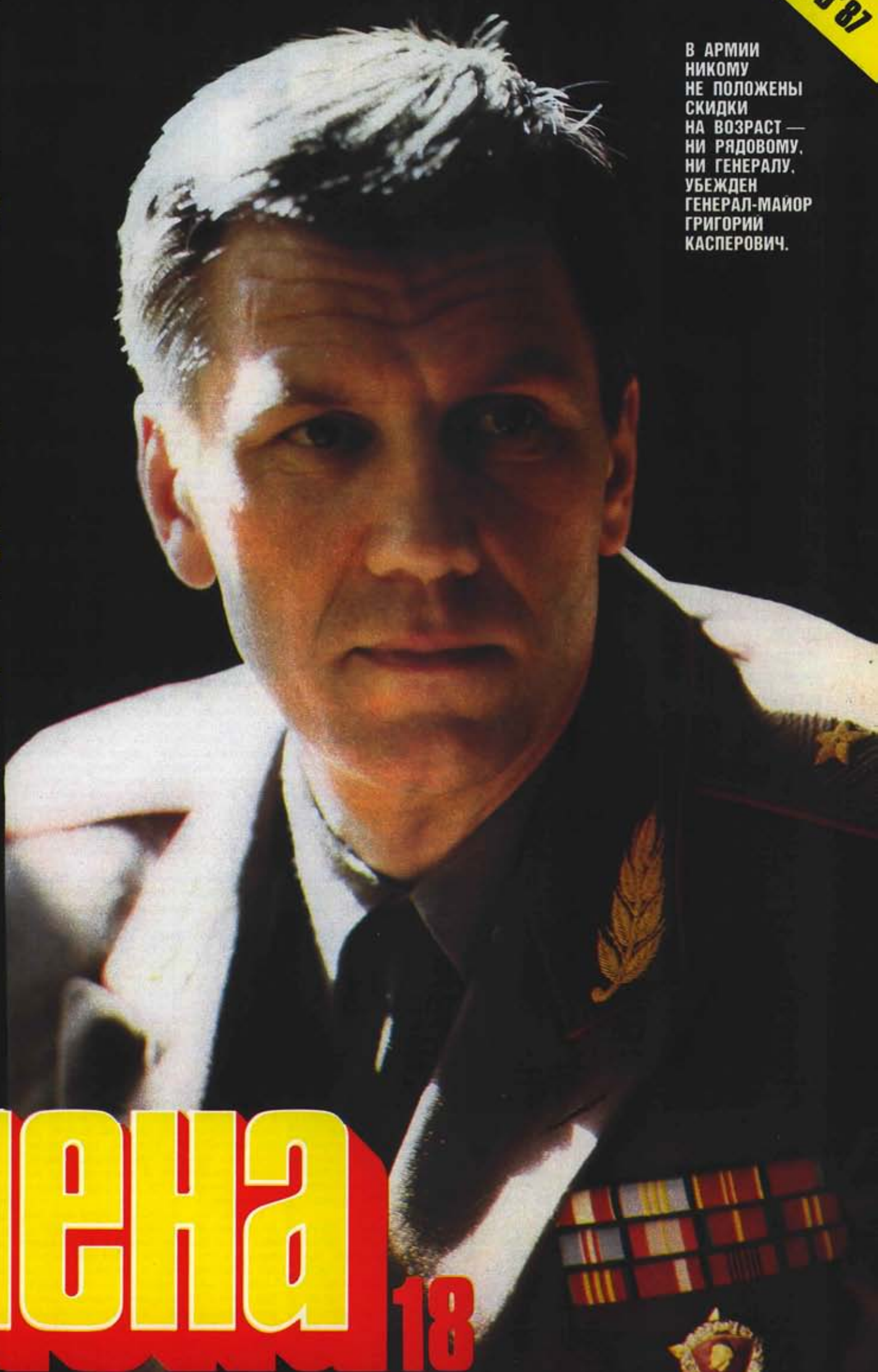
**Интимная жизнь
молодежи**

**Рок-группа
«Аквариум»**

Сергей Устинов.

Приключенческая
повесть

В АРМИИ
НИКОМУ
НЕ ПОЛОЖЕНЫ
СКИДКИ
НА ВОЗРАСТ —
НИ РЯДОВОМУ,
НИ ГЕНЕРАЛУ.
УБЕЖДЕН
ГЕНЕРАЛ-МАИОР
ГРИГОРИИ
КАСПЕРОВИЧ.

ISSN 0131—6656

СМЕНА
18

Фото: Евгений Стецко

НЕ ПОДВОС

В комсомольских организациях страны идут отчеты и выборы. На XX съезде ВЛКСМ подчеркивалось: «Право комсомольцев — выбирать своих вожаков, обязанность комитетов — научить их работать».

Демократия. Демократизация. Сегодня для молодежи это не просто слова, часто повторяемые с разных трибун. Для нас они синоним перемен, в чем-то уже реальных, в чем-то ожидаемых, синоним обновления, надежд и социального оптимизма. Комсомол на своем форуме высказался за демократизацию внутрисоюзной жизни как главного рычага перестройки. Создана основа для преобразований в рядах ВЛКСМ — это расширение самостоятельности первичных организаций; выборность не на словах, а на деле; опора на интересы и мнения рядовых комсомольцев. Все это отражено в новом Уставе ВЛКСМ. Нынешние отчеты и выборы должны показать, как комсомольские организации умеют пользоваться предоставленными им правами, насколько решительно они будут отстаивать свою позицию, свою точку зрения. Комсомольское собрание должно стать постоянной трибуной для разговора о том, что волнует молодежь, что ее тревожит в работе и повседневной жизни. Как решают комсомольцы проблемы, стоящие перед коллективами их предприятий, учебных заведений? Как поднять авторитет комитета ВЛКСМ в глазах молодежи и администрации? Слово — комсомольским работникам и активистам, делегатам XX съезда комсомола.

Борис СВАИН,

первый секретарь
Костромского горкома
ВЛКСМ

КОГДА УЗНАЕШЬ ЦЕЛЬ

Я почему-то не доверяю тем комсомольским работникам и активистам, которые рассуждают так: дескать, все, что было раньше, — плохо, комитеты «забюрократились», потеряли связь с молодежью, собрания часто проводили «для галочки»... Не все еще понимают, что работа по перестройке в комсомоле должна основываться на реальном анализе прошлого опыта: надо взять из него на вооружение все лучшее и критически осмыслить прежние просчеты и ошибки. Это как раз мы и постараемся сделать во время нынешней отчетно-выборной кампании в комсомоле.

Каким же конкретным вопросам мы сейчас уделяем основное внимание? Это прежде всего шефство комсомольцев над теми участками производства, где внедряется высокопроизводительное оборудование — роботизированные комплексы и станки с программным управлением. Не секрет, что на многих предприятиях новая техника работает со сбоями, коэффициент использования оборудования очень низкий. Поэтому, посоветовавшись с активистами-заводчанами, мы решили наладить комсомольский контроль за работой новой техники. Например, на заводе деревообрабатывающих станков комитет ВЛКСМ предложил администрации в состав бригады включить наладчика и программиста, чтобы их работа также зависела от конечных результатов работы всего коллектива. И дело пошло — простоев и поломок стало меньше. Сейчас комсомольский контроль начинает действовать и на других костромских заводах и фабриках.

В нашем городе много проблем с досугом молодежи. Они широко обсуждались в областной комсомольской газете. Вместе с редакцией пришли к выводу, что в городе необходимо создать рок-клуб, объединяющий любителей музыки. Много было споров. Провели организационное собрание, утвердили устав и на бюро, и в отделе культуры, создали совет клуба, теперь существуют три секции. Создаем уже второе хозрасчетное объединение при видео-клубе. Помещение получили, это бывшее кафе «Веснянка» в центре города. Мы ввели в штат видео-клуба режиссера, окончившего ВГИК.

Наконец-то принято решение горисполкома о создании в нашем городе МЖК. Горком ВЛКСМ объединил усилия многих комсомольских организаций, заинтересованных в строительстве комплекса. Например, остро встал вопрос о том, что исчерпаны все лимиты на проектирование. Не откладывая же решение организационных вопросов еще на год! Мы договорились, что первые чертежи сделают комсомольцы института «Костромагражданпроект» в свободное от работы время.

Андрей ДОРОХОВ,

токарь Псковского завода
зубчатых колес,
член бюро горкома ВЛКСМ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Почему Гомельский завод станочных узлов возвращает нам часть нашей продукции? У них там госприемка, а у нас еще нет. Вот, говорят, когда и у нас введут, — станет все иначе. Будто проблема качества решится сама собой. А нам пока что делать? Гнать на изношенном оборудовании брак? Думаю, выход один: покуда не заменят станочный парк, работать надо чуть помедленнее, тогда и возвратов не будет. Но администрация наша считает иначе: чем больше — тем лучше, любой ценой. А ведь «давай-давай» — это еще не ускорение. И быстрее — в итоге вовсе не означает больше. Поднимал я вопрос на бригадном собрании, но поддержки у большинства так и не встретил. Конечно, премий тогда не жди... Что же остается? Не обращать внимания на коэффициент трудового участия и давать нужное качество? А как посмотрят на низкие заработки в семье?

Нелегкое сейчас время. Идет ломка старых представлений. Ломка эта и по коллективу завода проходит. Конечно, всем хочется, чтобы новое вошло в жизнь безболезненно, но действительность в обратном убеждает.

Два года назад у нас началось соревнование за право стать бойцом стройотряда городского МЖК. А сегодня как? Соревнование выдохлось, многие не выдержали марафона — надеялись на спринт. Обидно, ведь пройдена самая трудная часть пути — получено «добро» и в горкоме партии, и в горисполкоме... Кстати, там же предложили: «А чего тянуть лишний год, почему бы не начать стройку уже в восьмидесять восьмом?» То-то радости было, помню! Порадовались, а после за голову схватились: где же достать лимиты на строительные работы? Чтобы начать первую очередь комплекса, нужно срочно выбить этих несчастных лимитов хотя бы на 500 тысяч рублей. А с заявками на них все предприятия-дольщики уже опоздали. Ходили и мы к своему директору, просили как-то подействовать. Он бы и не против, да где взять? Вот, говорит, если министерство выделит нам дополнительно, тогда пожалуйте. В министерстве же ясно ответили: «На 88-й год даже не надеяться...»

Можно бы, конечно, сослаться на объективные причины, сказать: видите, мол, не от нас сие зависит. Да, но кому говорить-то? Ребятам, что годами живут в общежитиях, и семейные в том числе? Короче, решили мы строить жилой дом для молодежи завода методом кооператива. Уже разрешения добились. Инициативная группа пока набирает исходные данные: подыскали место для дома, составили обоснование, смету... Зато появилась реальная надежда, что в будущем году начнем уже строить.

Евгений ДИНОВ,

водитель Московского
автотранспортного
предприятия

КАК РАБОТАТЬ БЕЗ ПОДСКАЗКИ?

Все мы надеялись, что комсомольский съезд станет поворотным моментом в жизни молодежи. Со дня его окончания прошло несколько месяцев. Действует новый Устав ВЛКСМ. А где перемены? Их пока что-то не видно. Например, у нас в комсомольской организации автотранспортного предприятия все идет по старому: с комитетом администрация не советуется, с секретарем никто не считается. Недавно в профкоме распределяли жилье. И что вы думаете? Комсорг был в отпуске, а меня, его заместителя, на заседание даже не пригласили. Я о нем узнал только через день. Вот у нас какое отношение к комсомолу. Так сказать, в «старых традициях».

Знаете, в чем беда? Мы, комитетчики, еще не представляем, как надо сейчас работать и что делать. Устав ВЛКСМ и Резолюция съезда касаются вещей глобальных, в масштабе всего Союза, а для первичных организаций до сих пор нет четких рекомендаций: как и с чего начинать перестройку? Как изменить суть отношений в комсомоле и заставить работать механизм демократии, заложенный в Уставе? Говорят: надо не ждать подсказки, проявлять свою инициативу, действовать. Пробуем, но пока ощутимых результатов нет. Финансами нам пока не дают самостоятельно распоряжаться. В райкоме ответили, что «надо ждать указаний». До каких же пор? Ребята из нашего ВИА интересуются: «Когда комитет выделит деньги на новые инструменты?» Нужна финансовая основа и для создания клуба по интересам, и для помощи школе-интернату, над которой мы шефствуем...

Я вот думаю: а может быть, мы просто еще не привыкли работать без подсказки «сверху»? Может быть, нас отучили самостоятельно думать и принимать решения? Наверное, это не только наша беда. Наивно считать, что сразу после съезда все изменится и комсомольские организации начнут работать на уровне требований сегодняшнего дня. Еще по-прежнему действует стереотип неверия в коренные перемены, которые должны произойти в комсомоле, — перемены не только в ЦК и обкомах, но и в первичных организациях.

Рядовых комсомольцев в этом очень долго убеждала жизнь: дескать, меняются руководители и секретари, а мы остаемся наедине со своими заботами и проблемами.

Комитетчики волнуются: сумеем ли сделать отчеты и выборы поворотным событием в жизни нашей комсомольской организации? Хватит ли нам смелости постоять за свои права? О результатах я обязательно сообщу в «Смену». Если, конечно, они нас самих не разочаруют.

ОДЯ ЧЕРТУ

Маргарита КАЛИНИНА,

маляр Обнинского управления
строительства
Калужской области

МЕНЯ ИЗБРАЛИ «ПО РАЗНАРЯДКЕ»

Признаюсь, что я сама удивилась, когда меня избрали делегатом комсомольского съезда.

Обнинск — город науки, поэтому было бы вполне закономерно, если бы нашу организацию на форуме представлял молодой ученый. Говорят, что сначала и выдвинули сотрудника НИИ, но он оказался старше 25 лет. Поэтому предложили для «повышения престижа рабочих строительных профессий» мою кандидатуру. Тем более, у нас самая многочисленная комсомольская организация в городе...

А ведь в нашем городе есть куда более смелые и авторитетные комсомольские активисты. Например, Андрей Шухардин — один из инициаторов строительства МЖК, Виталий Дерягин — председатель молодежного клуба «Старый город», Виктор Титов и Игорь Карклиньш, секретарь комитета комсомола одного из институтов Илья Иншаков... Можно назвать еще десяток имен.

Я думаю, что если бы на городской комсомольской конференции ребята сами, без «разнарядки» выбрали делегата на съезд, то вместо меня поехал бы в Москву наверняка другой, более достойный комсомолец, который принес бы реальную пользу своей организации.

Скажу откровенно, я очень люблю свою работу, стараюсь работать на совесть, а вот в комсомольских делах я еще себя никак не показала. Да, после съезда я несколько раз выступала в различных комсомольских организациях. Меня избрали членом горкома ВЛКСМ, включили в состав комиссии по профтехобразованию. Эту работу я себе плохо представляю. Наверное, попозже нам объяснят. Да и времени, честно сказать, у меня маловато — трудиться приходится на отдаленных объектах. В шесть утра — подъем, возвращение домой — в восемь вечера... К тому же надо и о личной жизни подумать, верно?

Обидно чувствовать, что я пока не оправдываю надежд обнинских комсомольцев, которые избрали меня на съезд пусть даже и «по разнарядке». Я, конечно, буду стараться, но другой бы человек на моем месте сделал для них больше, я уверена.

Но разве это моя вина? Может быть, прежде всего виноваты те комсомольские руководители, которые в период демократизации и гласности продолжают подбирать активистов по анкетам, а не по их личным качествам?

Елена ГОВОРОВА,

делегат
XX съезда ВЛКСМ,
член бюро
Крымского обкома
комсомола Украины:

«Первые после XX съезда ВЛКСМ отчеты и выборы должны показать, насколько сегодня мы готовы брать ответственность на себя, как будут подтверждаться наши слова, сказанные на съезде, конкретными делами».

Валерий ГУРИНОВИЧ

— Ты был у Федорова на Кропоткинской?

— А ты?

— Три часа выстоял...

— Я на неделю вперед записывался...

— Ну, и как?

— Шуму больше, чем толку.

(Из разговора, услышанного в метро.)

Нет, не о модной премьере шла речь. Не о сногшибательной выставке. О кафе. Но особом — кооперативном.

Индивидуальная трудовая деятельность кооперативы. Сегодня эти новации экономической жизни вызывают жгучие споры, сшибки мнений — почище, чем о премьерах и вернисажах. Непривычно, незнакомо, а для некоторых и неудобно. В чем же здесь дело? Постараемся разобраться...

Летом прошлого года в Курске появились такие вот объявления: «Правление кооператива приглашает пенсионеров, студентов, а также всех желающих работать по совместительству и владеющих профессиями: каменщика, маляра, плотника, штукатура, швеи, электрика, сапожника, парикмахера, вязальщика, а также специалистов по ремонту легковых автомобилей, бытовой техники, репетиторов, нянь, машинисток...»

— Игорь, сходи, узнай, — сказала Лена. — Может, стоящее дело. Нам ведь строиться надо. А тут — приработок...

На следующий день Игорь наведалься в правление кооператива. Стандартная трехкомнатная квартира в новом доме. Потолки в подтеках, обои цвета «туман над болотом» наклеены поспешно, вкось, двери — «самооткрывающиеся».

— Бедновато живете, — усмехнулся Игорь.

— Поможешь — будем богаче... Давай знакомиться. Велиховатский Геннадий Петрович, председатель кооператива.

— Фатеев Игорь, штукатур-маляр пятого разряда. — И, ответив на рукопожатие, спросил: — Примете?

Куряне были «первопроходцами». Даже сегодня, когда личная инициатива практичных умельцев мощно подкреплена Законом об индивидуальной трудовой деятельности, когда только в Российской Федерации к концу года будет зарегистрировано, вероятно, около 3000 кооперативов, то есть движение ширится, наращивая и экономические, и социальные «мускулы», у новой формы хозяйствования хватает противников. Ну, а в ту пору, более года назад?.. Можно представить себе, сколько проблем встало перед организаторами первого кооператива. «В порядке эксперимента» — формулировка достаточно удобная и для поддержки, и для торможения его.

Из разговора с заместителем председателя облисполкома Владимиром Михайловичем Жильцовым:

— Мы не сомневались: кооператив — дело стоящее. Привлечение дополнительных трудовых ресурсов — раз; эффективное использование производственных отходов, всевозможных «неликвидов», вторсырья — два; реальная возможность пополнить семейный бюджет — три. И есть еще четвертый момент, который не подсчитать в рублях, процентах, но он важен — увлечение тем или иным рукоделием стало работать на общество. В кооперативе электрик становится чеканщиком, диспетчер автохозяйства — фотографом, бухгалтер — мастером по обивке мебели. Конечно, в свободное от основной работы время. Чем заняться кооперативу — тут спора не было. Бытовым обслуживанием! Это — самое узкое место в «малой» экономике области.

Тяжко оказалось перебороть психологическое предубеждение многих руководителей: а все ли тут чисто? Дохо-

дило до курьеза — ссуду кооператорам банк выдавал лишь под личную ответственность председателя облисполкома или мою!

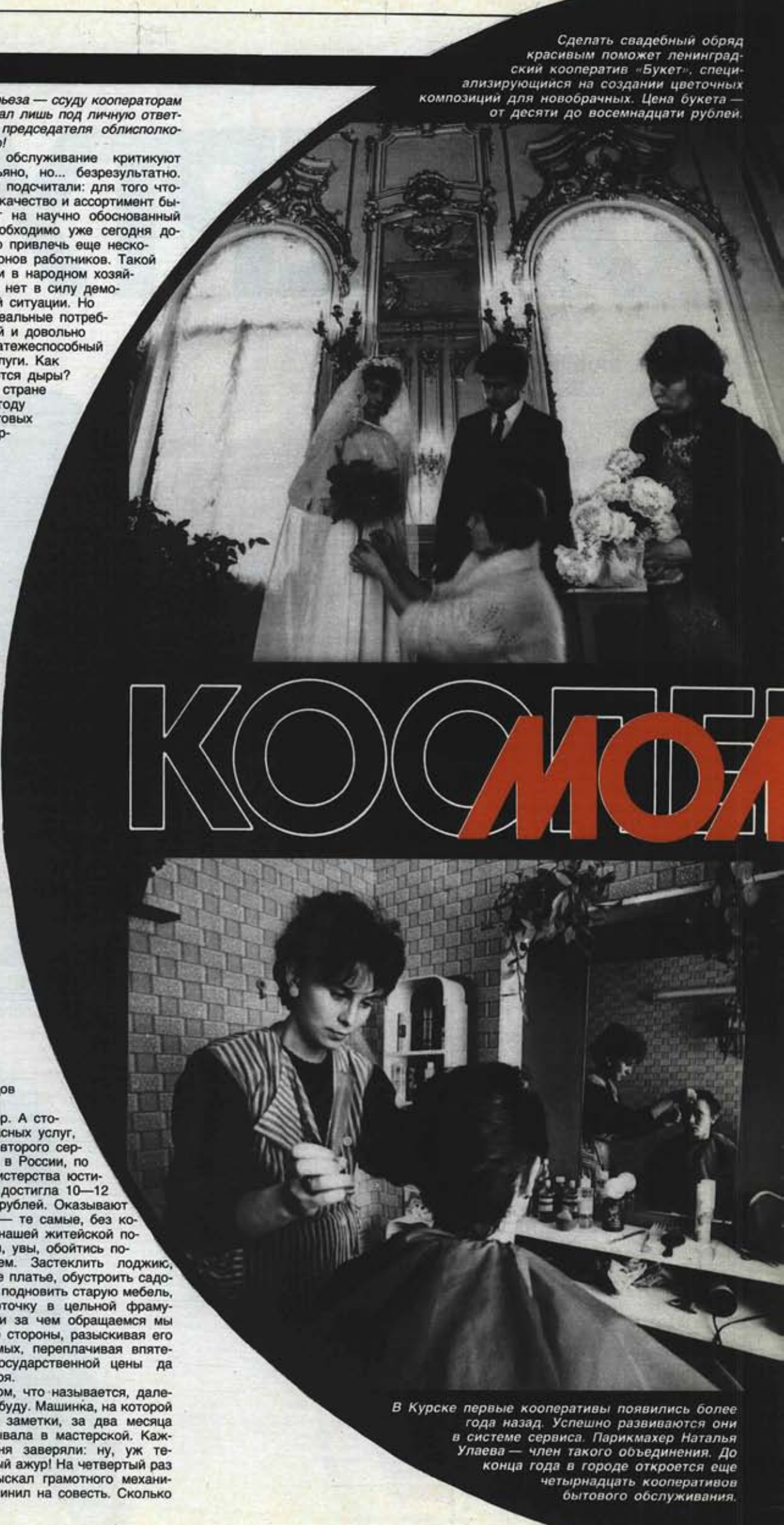
Бытовое обслуживание критикуют давно и рьяно, но... безрезультатно. Экономисты подсчитали: для того чтобы поднять качество и ассортимент бытовых услуг на научно обоснованный уровень, необходимо уже сегодня дополнительно привлечь еще несколько миллионов работников. Такой возможности в народном хозяйстве просто нет в силу демографической ситуации. Но ведь есть реальные потребности людей и довольно высокий платежеспособный спрос на услуги. Как же затыкаются дыры? В целом по стране в прошлом году оказано бытовых услуг примерно на

11 миллиардов рублей.

Это госсектор. А стоимость негласных услуг, своего рода второго сервиса, только в России, по данным Министерства юстиции РСФСР, достигла 10—12 миллиардов рублей. Оказывают их «леваки» — те самые, без которых мы в нашей житейской повседневности, увы, обойтись пока не можем. Застеклить лоджик, сшить модное платье, обустроить садовый участок, подновить старую мебель, сделать форточку в цельной фрамуге — мало ли за чем обращаемся мы к умельцу со стороны, разыскивая его через знакомых, переплачивая втягую против государственной цены да еще благодаря.

За примером, что называется, далеко ходить не буду. Машинка, на которой печатаю эти заметки, за два месяца трижды побывала в мастерской. Каждый раз меня заверяли: ну, уж теперь — полный ажур! На четвертый раз плюнул, разыскал грамотного механика — тот починил на совесть. Сколько

Сделать свадебный обряд красивым поможет ленинградский кооператив «Букет», специализирующийся на создании цветочных композиций для новобрачных. Цена букета — от десяти до восемнадцати рублей.

КООПЕРАТИВ

В Курске первые кооперативы появились более года назад. Успешно развиваются они в системе сервиса. Парикмахер Наталья Улаева — член такого объединения. До конца года в городе откроется еще четырнадцать кооперативов бытового обслуживания.

«КабСИ» — название условное, сокращение слов «кабель» и «средства измерения». Именно эту продукцию получают в созданном при Кузбассглавснабе кооперативе по заготовке и переработке вторичного сырья. Большинство членов «КабСИ» — студенты кемеровских вузов.

МОДЕРНЫ

Водосточные трубы, отделочные плиты — продукция кооператива в подмосковном селе Талицы. А в планах — выращивание шампиньонов, оказание услуг садоводам-любителям. Среди первых членов кооператива братья Андрей и Игорь Швайковские.

Фото
Василия Кафо,
Альберта Лехмуса,
Евгения Стецко

взял? Об этом лучше не вспоминать... Да, мы платим «левакам» не за хорошие манеры, а за работу. Но, во-первых, сколько? А во-вторых, зададим себе наивный вопрос: а откуда, собственно, берут умельцы остродефицитные материалы, инструмент, когда в «Хозтоварах» их не сыскать, хоть дежуры там круглосуточно? И откуда у этих улыбочивых ребят столько свободного времени, что в считанные дни они обслуживают сотенноквартирную новостройку? Отгулы, бюллетени, покладистое начальство? Да полно, у нас же с вами в конце концов воруют они и деньги, и материалы, и рабочее время. «Леваки» никак не участвуют своими доходами в общегосударственных расходах, хотя безвозмездно зачастую используют казенные материалы, инструмент,

действительнейших путей перестройки, обновения нашей экономики.

Первая услуга, которую оказал курский кооператив, — обивка дверей — была оценена по обоюдному договору в 11 рублей 40 копеек. (В скобках отметим: за такую же работу «левак» берет 25 рублей.) Из этой суммы 70 процентов получил исполнитель, 30 — пошло кооперативу.

— Начинали, можно сказать, с нуля, — вспоминает заместитель председателя кооператива Михаил Федорович Очкасов. — Сверла для дрели — проблема, гвозди, кисти для покраски — тоже... Все магазины обыскали — пусто. Тут, конечно, без помощи бытуправления мы не обошлись. Желание и умение линолеума не заменят... Но вот есть материалы, есть кое-какой инструмент, а дальше что? Где заказчики, где мастера? Дали через газету рекламу, развесили по городу объявления, по радио сообщили, что так, мол, и так, — открыт кооператив. Но мы понимали, лучшая реклама — работа. Оттого с таким нетерпением и, честно говоря, боязнь ждали первого заказа — будто артисты премьеры...

Уже на следующий день поступило двенадцать заказов, через неделю — более тридцати. Стали срочно подыскивать мастеров, тех, кто в свободное время хочет подработать. В желающих недостатка не было.

Среди тех, кто сейчас работает в кооперативе, — инженер-механик, преподаватель вуза, студент, школьный учитель, секретарь-машинистка, художник, рабочий-строитель, шофер, лаборант, инженер-конструктор, швея, домохозяйка, пенсионер...

Так что же, наращивает обороты маховик индивидуальной трудовой деятельности, радужные перспективы видятся кооператорам?

— Вышла я и расплакалась. Прохожие спрашивают: что с вами, чем помочь? А я стою, ничего ответить не могу, только бумаги в руках терблю. Думаю, порву договор, к чему такая нервотрепка?

Разговариваю с Яньшиной, председателем первого в Курске кооперативного кафе для детей «Буратино». И сейчас, вспоминая свой визит к управляющему отделением Госбанка Т. П. Пеньковой, Нина Сергеевна замечает волнуется:

— Она на меня как на мошенницу смотрела. Дескать, пришла жирный кусок оторвать...

Речь шла о ссуде. Для ремонта помещения под будущее кафе, закупки и установку оборудования требовалось около двадцати тысяч рублей. Деньги эти вместе с процентами Яньшина намеревалась вернуть государству в течение года. Все было скалькулировано, обчислено должным образом. Циркулярное письмо Министерства финансов СССР от 2 февраля 1987 года разрешает подобные займы. Необходимые документы оформлены и заверены. Но перестраховка в сочетании с чиновничьим самодурством посильнее «казенных» бумаг.

Мы не ратуем за наивную доверчивость, разбазаривание государственных средств. Но если человек предлагает убыточное предприятие, что в течение многих лет держалось «на плаву» лишь благодаря дотациям, превратить в прибыльное, если в конце концов о необходимости развивать кооперативную, индивидуальную трудовую деятельность открыто говорится с самых высоких трибун, как же можно так упорно препятствовать начинанию?

Оказывается, можно. Ссылаясь при этом на «государственные интересы».

Да, уже видно теперь — есть такие, что гребут под себя, но ведь немало и других, — взваливая на себя, кроме дополнительной работы, и дополнительную нервотрепку, они нам, государству, помогают.

транспорт... А государственные — значат наши. Давно утвердился в нашем обществе не только экономический, но и нравственный перекося — «халтура». Закон об индивидуальной трудовой деятельности, что реализуется сейчас, позволит наконец-то перейти в наступление на «теневую экономику». Из разговора с ведущим научным сотрудником Института экономики АН СССР, кандидатом экономических наук Тамарой Евгеньевной Кузнецовой:

— Формы индивидуальной трудовой деятельности различны — это и частная практика, и работа по патенту, и сезонная работа, и надомный труд... Но замечу, что именно кооперативная, коллективистская форма труда издавна характерна для нас. Артели, товарищества, коммуны — отсюда к колхозам ниточка тянется... Собственно, тут все основано как раз на самокупаемости и самофинансировании. А это один из

Но вот на заседании Президиума Совета Министров РСФСР, где шел серьезный разговор о проблеме и широком распространении новшества, уже и председатель Роспотребсоюза В. Ф. Ермаков засомневался: не слишком ли много получают кооператоры? Это же надо — по 400—500 рублей! Вот если бы по 300 — другое дело... И вроде невдомек уважаемому председателю, что эти пятьсот рублей — заработаны. Просто «за присутствие» в кооперативе денег не получишь.

Министра торговли РСФСР В. П. Шиманского беспокоит иное: не побегут ли люди в погоне за длинным рублем с основной работы в кооперативы?

Давайте разберемся.

Из разговора с Т. Е. Кузнецовой:

— Индивидуальная трудовая деятельность ни в чем не противоречит нашим устремлениям. Она ни в коей мере не выпадает из общей системы хозяйства. И совершенно необоснованны опасения — а они, не будем скрывать, бытуют сейчас, — что, мол, всяческие кооперативы могут потеснить госсектор, что произойдет перекачка людей с основного производства в частное предпринимательство. Вот цифры: если мы обозначим все формы рабочей занятости труженников страны ста процентами, то увидим, что на долю государственных форм занятости общественно полезным трудом приходится около 83 процентов, кооперативных (потребсоюзы, колхозы, различные артели) — 11,3 процента, а на долю индивидуальных — чуть больше одного процента. Вспору опасаться много: как бы через сур ретивые бюстистели «государственных интересов» не свели этот процент к нулю... И потом в Законе (статья 3) прямо сказано, что индивидуальной трудовой деятельностью могут заниматься граждане, участвующие в общественном производстве, лишь в свободное от основной работы время. Что тут неясного?

Из разговора с В. М. Жильцовым:

— Мы сразу поставили дело так: работа в кооперативе по совместительству. После смены, в выходные дни, во время отпуска... У нас сегодня действуют четыре кооператива по бытовым услугам, два общепитовских. Есть кооператоры в системе местной промышленности. До конца года откроем еще четыре кафе, четырнадцать кооперативов сервиса... Сверхзаработки? Досужий домьсел, слухи. Пока что приработок в кооперативе в среднем 150—160 рублей. Цены на кооперативные услуги договорные. Но ненамного выше, чем государственные. И учителя, оказываются эти услуги быстро, качественно, в удобное для заказчика время... Так что кооператоры подтягивают работу бытовиков, общепитовцев: деловая хватка, предприимчивость, умение быстро реагировать на рыночную конъюнктуру — разве не на это нацеливаем мы наше производство, экономику? Я бы сказал, что кооперативы в какой-то мере — школа передовых методов хозяйствования, когда важны не «вал», не «объем», а конечный результат труда — реализация, прибыль.

Школа хозяйствования... Еще один интересный поворот темы. В самом деле, споря о частностях, не упускаем ли мы главное? Люди хотят работать в полную силу и получать за свою работу полную меру, а от работы — удовольствие. Хорошо ли это? Кому бы я ни задавал этот вопрос, никто не ответил: нет, плохо. Все — за.

Число кооперативов сегодня растет, как грибы после дождя. Так же стремительно и так же вроде бы непредсказуемо — не угадаешь, где оно, грибное место. Но ведь известно: если для того, чтобы побыстрей набить корзину, вы станете вырывать боровики с корнями, вряд ли в следующем году найдете их на той же поляне. Рачительный хозяин, аккуратно срезая гриб, будет и с урожаем и видами на него в будущем.

Если продолжить «экологическое сравнение», перекинув мостик к теме разговора, станет понятным, почему

сегодня в Прибалтике, в некоторых регионах Украины и Белоруссии кооператорское движение, индивидуальная трудовая деятельность развиваются особо бурно. Тут, так сказать, и корзины полны, и «грибницы» целы. Давайте вспомним: эксперимент с использованием личных машин в качестве такси начался не в Риге, не в Клайпеде, не в Шяуляе и даже не в Ленинграде (хотя там-то он позже приобрел размах), а в Грозном и Хабаровске. Где они, эти первые экспериментаторы? Вырваны с корнями.

Где великолепные кустари Беломорья, Урала, костромские умельцы, северные резчики по кости?.. Список можно продолжить, да к чему — и так знаем: крохи остались. А ведь были артели — по-нынешнему кооперативы, — были умельцы, и в не малом числе, чья чудная продукция не только наш внутренний рынок заполняла — на экспорт, что называется, косяком шла.

Теперь вот спешно возрождаем кооперативы кустарей, но ох, как это трудно, когда «грибница» порушена, а радостей новой — не густо. Но, видно, неистребим дух народной предприимчивости. И вот уже в шахтерском Кузбассе при местном управлении Госнабга группа энтузиастов буквально из отходов, из вторсырья делает отличные, нужные вещи, которые у населения пользуются большим спросом. В киевском кооперативе «Лири» Анатолий Заярный, Петр Тютюнник и Ольга Шамрай изготавливают старинные народные инструменты, а педагог-музыкант Ванда Затульская обучает игре на них...

Лишь чуть приоткрылась дверь для личной инициативы, как появилось множество идей, предложений об использовании индивидуальной трудовой деятельности (ИТД) действительно для общего блага. Да, пока первенствуют кооперативы общественного питания, бытослуживания, но уже много рождается их и в других сферах.

В Одессе действует кооперативный детсад, в Москве открыт магазин «Цветы России» — кооператоры закупают цветы у населения и продают их с небольшой наценкой; открыты десятки кооперативов в системе Минместпрома РСФСР — шьют одежду, обув изготавливают, гончарную и керамическую посуду, сувениры; только в России организовано более тридцати торгово-заготовительных кооперативов, около семидесяти занимаются откормом скота, рыбной ловлей...

Такая деталь: сколько было нареканий в адрес коммунальщиков, стеснительно отвернувшихся от наших самых прямых нужд! Во многих городах приезжий мог полдня бегать в поисках укромных строений с литерами «М» и «Ж». Об этом чуть ли не газетные дискуссии велись. Не дискутировать надо было, а действовать. Как в Ленинграде. Там кооператоры открыли общественный туалет...

Итак, далеко за тысячу перевалило число кооперативов. А как же их качество?

В городе Химки Московской области наш фотокорреспондент попытался попасть в кооперативное кафе за 20 минут до его официального перерыва на обед. Опоздал. Кафе уже было закрыто, табличка вывешена — в общем, все как в нормальном общепите. А когда его все же впустили, то он убедился, что и внутреннее убранство этого кооперативного «рая», и манера обслуживания вполне как в заурядной столовке.

Можно только руками развести! Но не торопитесь удивляться. Ведь все нынешние кооператоры, подвизающиеся в сервисе, еще недавно работали на предприятиях госсектора. Их там годами «стимулировали» именно к такой работе — абы да кабы, деньги все равно получались. Как же тут враз перестроиться?

Кооперативы могут стать не только подспорьем госсектору, но и подтянуть качество его работы лишь при одном условии — они должны работать больше и лучше. Кажется, тут нечего доказывать. Но уже сейчас, в начале пути,

мы видим, что к перспективному делу пристраиваются и люди не просто предприимчивые, а с замашками барыг, да и попросту неумех, лентяев хватает.

Как же быть? Закрывать подобные кафе, отказываться от услуг кооператоров? Значит, правы те, кто выступает против новой формы труда? Ни в коем случае!

По мнению одного из ведущих экономистов страны, академика Т. И. Заславской, не прикрывать, а повсеместно расширять следует индивидуальную трудовую деятельность и кооперативное движение, создавая конкуренцию внутри этой формы труда. Тогда-то кооперативы очистятся от людей случайных, неумелых.

Но делать это надо без спешки.

К сожалению, кооперативная, индивидуальная трудовая деятельность пока мало изучена. Мы начали практически с нуля. Не было никаких научно обоснованных рекомендаций, четкого организационного порядка. К экспериментам, что развернулись до вступления в силу Закона об индивидуальной трудовой деятельности, на местах относились по-разному. Большей частью как к очередному «поветрию», в меньшей — как к нужному, общественно необходимому делу. И даже тот опыт, что был накоплен в ходе эксперимента (взять хотя бы Курск, Ленинград, Прибалтику), не был как следует обобщен и проанализирован.

Чем же еще, как не спешкой, не хаотичностью в принятии решений, можно объяснить расхождение в толковании не то что инструкций и положений всякого рода, но даже двух законов. Я имею в виду Закон об индивидуальной трудовой деятельности и принятый ранее Закон о нетрудовых доходах. Ведь на местах не так уж редко отказывают в помощи кооператорам, мурыжат новшество, не дают возможности вернуться инициативы, ссылаясь именно на Закон о нетрудовых доходах: дескать, «они», то бишь кооператоры, будут наживаться, а «нам», понимай чиновникам, отвечать придется. (Ох, уж это деление на «мы» и «они»! Сколько убытка и экономического, и нравственного принесло. Может, хватит?..) О двусмысленностях в толковании двух законов говорят и ученые-юристы.

Но вот в чем, думается, главная опасность: новое дело внедряется старыми способами, бюрократизм, перестраховка — весь букет налицо. От кого зависит сегодня кооперативы, кому подчиняются?

В идеале как? Есть правление, есть председатель. Контролируют работу кооператива местные Советы и финорганы. Простая цепочка взаимоотношений.

Так нет, вроде бы для оказания помощи вклинились сюда различные управления, ведомства, начиная проявлять сугубо местнический, ведомственный интерес к своим новым коллегам. А между тем в статье 1 нового закона индивидуальная трудовая деятельность рассматривается как не связанная трудовыми отношениями с любыми другими организациями. Уверен, стоит пренебречь этим положением — и личная инициатива окажется в зависимости от ведомственных пут.

Нелишне было бы подумать и об охране экономических интересов людей, взявших на себя дополнительный груз. Выдав разрешение на организацию кооператива, государство тем самым не только получает право на часть доходов, но и обязуется охранять его интересы, ограждать от посягательства на заработок, клиентуру, рынки сбыта. Вот эти функции налогообложения у нас как-то упускаются из виду...

Стоит проблема и сырьевых ресурсов. На том же заседании Президиума Совета Министров РСФСР, о котором мы уже упоминали, это был один из самых острых вопросов. С цифрами в руках ответственные работники министерств, Госплана, Госнабга доказывали: с сырьевыми ресурсами сложно, пусть, мол, кооператоры создают свою сырьевую базу. К примеру, заместитель

председателя Госплана РСФСР А. А. Котова считает, что саратовские умельцы-скорняки вполне могут обойтись овчиной четвертого сорта (что это за овчина, даже и под третий-то сорт не подходящая?). Спорить не будем, хотя и трудно себе представить дубленку из такого вот четвертосортного сырья...

Так есть ли выход? Есть, утверждает доктор экономических наук А. А. Сергеев. Дело в том, что, по расчетам ученых, в госсекторе приписки в год составляют от 5 до 25 процентов, в том числе сумма оплаты за произведенную работу по сырьевым отраслям — около шестисот миллионов рублей. Овечки и в природе нет, а шкура ее, судя по отчетности, уже к скорнякам ушла. Разбазариваем средства, сырье, оттого и нехватки. А вообще надо ли противопоставлять государственный сектор кооперативному? Беды-то у нас одни.

Скажем прямо: сегодня кооперативная деятельность при всем ее кажущемся размахе и благополучии (ну кто будет считать мелочью!) внушает серьезное беспокойство. Почему?

Издан закон. Есть регламентирующие положения, примерный Устав, обязательные указания о всемерной поддержке начинания. Проще говоря, подписаны бумаги.

Ну, а дальше? По накатанным рельсам?

Не так давно в Институте экономики АН СССР проводился «круглый стол» по самым глупчим проблемам индивидуальной трудовой деятельности. Здесь собрались хозяйственники с мест, ученые, председатели некоторых наиболее «именитых» кооперативов — на первый взгляд привычное заседание.

Так отчет же проигнорировали его приглашенные представители Госкомтруда СССР, Минфина, ВЦСПС? Договаривались, что привычными, догматическими фразами здесь не обойтись? — Вопросы поднимались острейшие, — рассказывает Т. Е. Кузнецова. — Никакой общей фразеологии...

А ответы? Их почти не было. Прежние заверения в помощи и ссылки на обстоятельства, на сложности перестройки. Да и ученые в общем-то помочь кооператорам в чем-то конкретном не смогли. И не потому, что не от них, мол, сие зависит. Попросту тоже не были готовы к такому наступательному характеру «круглого стола». С острыми углами он оказался.

Кооперативное движение обещает стать массовым. Это трудовое, рабочее движение. Есть люди, для которых работа в кооперативе основная. И понятна их озабоченность трудовым стажем, постановкой на партийный, профсоюзный, комсомольский учет. Парикмахер курского кооператива Наташа Улаева обратилась в райком комсомола, чтобы встать на учет. В райкоме ей сказали: не знаем, как с тобой быть, никаких инструкций не поступало...

Который уже год ведется общественная дискуссия о возможности зарабатывать старшеклассникам, учащимся ПТУ. Вот реальный выход из проблемы — в свободное время в кооперативе заработать на карманные расходы. Умелые молодые руки здесь очень нужны. Из двухсот человек, занятых на различных работах в кооперативах Курска, более ста — люди до тридцати лет.

Крайне необходим всесоюзный научно-методический центр ИТД, хозяйственно-организационный комитет по вопросам индивидуальной трудовой деятельности, правовой совет... Не распылять силы, а именно сейчас, в сложнейший период становления, собрать их в кулак. Народ давно заметил: востропыр бьешь — силы зря изводишь.

А у нас, увы, пока что в этом деле выходит «востропыр».

...Игоря Фатева встретил в последний день командировки. У него приятная новость:

— Вступил в жилищный кооператив. Три комнаты. — Улыбнулся. — Получается, что кооператив помог с кооперативом...

“Отчизне посвятим”

Петр КАТИН,
архитектор,
Москва

Последние дни войны

Дымятся серые руины,
Летит шальной автомобиль;
И рвутся мины,
Рвутся мины,
Взметая столбиками пыль;
Желтеет высохшая глина,
И солнце яростно печет:
Весна в окрестностях Берлина
В разгаре...
Сорок пятый год...
Запомнилось: окопов бровки,
Цепь затаившихся бугров;
Свист, грохот, вой артподготовки
И хищный свет прожекторов;
И тот рассвет, и перебежки
Среди истоптанных полей...
Дворы; оставленные в спешке
Повозки, трупы лошадей...
Гарь.
Покореженные пушки.
Мычанье брошенных коров...
И той названье деревушки,
Где ночевали,— Арьенцдорф...
И полуночное мерцанье
Ракет над киркой у пруда...
...И ожиданье,
Ожиданье,
Которым каждый
Жил тогда...

Зинаида ТАКШЕЕВА,
медицинский работник,
Петродворец

Воспоминание

Я помню:
Море все застыло
Холмами будто бы навек,
Уже не билось, не штормило,
Звенел металлом твердый снег.

А звезды, мелкие, как тюлька,
Казалось, уплывали вдаль,
И «горько» нам подросток Толька
Кричал, и было детства жаль.

Стыдясь, мы порознь убегали,
Сирены нам ревели вслед,
Огни на берегу мигали.
Нам было по шестнадцать лет.

В мои заснеженные окна
Глядел ты с робостью, с тоской,
А вечер был ветрами соткан,
И пахло лесом и треской.

Виктор ВОЛКОВ,
журналист,
Избербаш

Поют стихи о радости и грусти,
И сердце пишет светлые слова
О тех местах,
где дорог каждый кустик,
Где все твое — и воздух, и трава.
Поют стихи о речках и туманах,
Поют о болтунишке-ручейке
И о полях — пшеничных океанах,
Об одиноком древнем ветряке.
Поют о тропке — луговой бродяге,
О камышах — хранителях озер,
Поют о зорьке, пляшущей в овраге,
И о кургане, вышедшем в дозор...
А в песне этой — Родина без края,
Где ты родной и все тебе родня,
Она одна понятная такая,
И я живу, сполна ее ценя.

Геннадий ЧЕРЕВИК,
рабочий,
Кременчуг

■
Отработал, и — домой
По городу.
Сколько в сердце музу
Ни носи,
Отпустив себе усы
И бороду,
Не пойдешь бродягой
По Руси.
И не то чтоб сетовал
На время я,
Понимаю — техника,
Прогресс.
Что стихи? Сегодня план
И премия
Вызывают гордый
Интерес.
И друзья туда же,
Без сомнения,
Мол, важней иметь
В кармане грош,
А транжирить время —
Преступление,
На одни стихи
Не проживешь.
Винюват!
Прошу у всех
Прощения,
Что в рабочий час,
Сякой-такой,
Иногда творю
Без разрешения
Не резцом единым,
А строкой.

Светлана ПОПОВА,
учительница,
г. Брежнев

Море

«Огромное море,
лазурное море»,
опять ты волнуешься,
ропщешь, шумишь.
С землей и небом
о первенстве споришь,
волной изумрудной
на берег летишь.
С тобою, о море,
судьба моя схожа:
то резво взлетает
на гребень волны,
то бьешь об утесы
я в день непогожий,
то снова я жертва
твоей глубины.
То вынесет на берег
ветер удачи,
секунда одна —
и в пучину столкнет.
Тогда я слезами
горючими плачу...
Лишь изредка чайкой
надежда блеснет.
Как ты негодуешь,
так с бедами спорю.
Пыл русский, бунтарский
во мне не утих.
Но тайну свою
ты поведай мне, море,
соленое ты
не от слез ли моих?
Огромное,
страстно шумящее море,
в одном, да, в одном
мы не схожи с тобой:
встречать тебе вечно
рассветы и зори,
ты — вечно,
я — смертна,
но... спорю с судьбой.

Светлана ЯКОВЛЕВА,
школьница,
Чебоксары

Дедушке

Дедушка, милый,
Не надо, не бойся,
То не война, а тревожные сны.
Милый, я чувствую, как это больно —
Вновь уходить по дорогам войны.
Выросли дети, и выросли внуки —
Те же дороги ты видишь во сне...
Звуки стрельбы... Загорелые руки...
Дети играют в войну во дворе.
Рядом со школой, с деревьями рядом
Быстро бегут по зеленой земле.
Дети! Постойте! Не надо, не надо.
Дети, поверьте, пожалуйста, мне.
Кончились пули, штыки затупились,
Ветер уносит и прах, и золу.
Дети! Запомните, все это было,
И никогда не играйте в войну.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
воспитатель,
Челябинск

Детский дом

Добрых снов тебе, детский дом,
Светлой радости и добра!
Жизнь несет меня кувырком —
По сугробам да по горам...
Вот из школы идут гуськом,
Не к себе домой — в детский дом...
Шаг за шагом — к его Высочеству,
Бесконечному одиночеству.
Сбросят шапки
Девчонки стриженные,
Смотрят в зеркало — неподвижно...
В гладь стекла на себя уставятся —
Что случилось, уж не поправится!
Для кого так сверкает зал?
Новогодний кружится бал!
Почему так блещат шары?
Объявляем начало игры!
Елка дарит им свет и радость,
А на сердце — большее рана...
Не танцует, не поется,
И не плачется, не смеется...
Память мечется — ночь мала:
«Мама, мамочка, ты была?»
И кухарке с кастрюлей бездонной,
И учительнице знакомой,
И накрашенной прачке Маше —
Всем лепечут: «Мамочка наша!»
Губы детские «мамочка» шепчут,
Губы молятся и щечечут,
Как царице, одетой в жемчуг!
На далеком крутом берегу
Память мечется на снегу...
Сколько сил есть бежать — бегу,
Сколько мочи кричать — кричу,
Чем сумею помочь — помогу,
Раны детские залечу...
Добрых снов тебе, детский дом,
Без отчаяния и слез!
Через плач, через чей-то стон,
Через в горле застрявший ком
Твой покой и сон стерегу,
Сколько верить в добро смогу,
Сколько сил моих хватит стеречь —
Даже тени маленьких плеч...

Дмитрий ШАБАНОВ,
старший лейтенант,
Смоленск

■
Ночь бледна и величава.
Лунный месяц — братец твой
Лишь один тебе мешает,
Вечный крест несет он свой.
Покрывая мраком Землю,
Заслонив его собой,
Ты царишь неоспоримо,
Ты приводишь к нам покой.

Василий ВЕРКИН,
пенсионер,
пос. Милославское, Рязанская обл.

Полынь

Вдохну
знакомый запах я полынный —
и, если даже
на душе теплынь,
повеет грустью
еле уловимой...
Наверно,
это пахнет так полынь...
А может,
это кажется мне только?
Но вижу я себя издалека...
И — дым войны,
удушливый, прогорклый...
И — долю ту,
что, как полынь, горька...
От памяти
мне никуда не деться...
О светлая печаль моя, нахлынь —
и я отвечу:
пахнет зябким детством
и маминою вдовостью полынь...

Евгений САПОЖНИКОВ,
пенсионер,
Киев

■
Пылают заревом закаты,
Сечет смертельный дождь свинца,
Последний бой ведут солдаты,
Свой долг исполнив до конца!

Стоит высотка без названья,
На картах штаба не одна
Солдатским мужеством в преданья
Вошла со славою она...

Мария БАШЕВА,
врач,
Волжск

Опять спешу в забытую деревню

Опять спешу в забытую деревню,
Где детство провела когда-то я.
Как прежде,
Здесь над кручей гнутся вербы,
А дальше неоглядные поля.

Здесь избы будто водят хороводы
В передниках налчиников цветных.
Подсолнухи смеются в огородах,
И частокол в кувшинах расписных.

Петляет речка мелкая в ложине,
Прозрачная, из сотен родников,
Опять гармошка вечерами синими
Поет на бревнах где-то у дворов.

Здесь
с детства все понятно и знакомо,
Здесь, кажется, ни в чем запрета нет.
И чувствую душой, я снова дома,
Хоть и прошло с тех пор
так много лет.

В образ сказочных героев
Превращаешь старый лес,
И ручей звонкоголосый
Тихо шепчет: «Спи, мой лес».
А когда приходит время
Расставаться нам с тобой,
Не грустим мы, так как знаем —
Новый день встает зарей.

Виктор Розов: УВИДЕТЬ СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Первый же вопрос ребром, как говорится: что вас больше всего восхищает в современной молодежи?

— Молодежь, с которой я дружен или с которой мне приходится встречаться, больше всего поражает меня своей образованностью. Когда я учился в школе, то на вопрос «Из чего состоит материя?» достаточно было ответить: «Из молекул». «А из чего состоят молекулы?» — спрашивали тогда тебя. «Из атомов», — говорил ты. «А атом?» — «А атом неделим». Все! Тебе ставили пятерку. Вот чем тогда ограничивалось наше мышление. И это было замечательно! Теперь же стало ужасно: наши познания настолько расширились, что охватить все даже поверхностно бесконечно трудно. Но, несмотря на это, наша сегодняшняя молодежь знает удивительно много, и это меня в ней не может не восхищать. Мне бы хотелось выделить здесь вот что. Мы в юности очень часто были откровенно аполитичны. Чаще всего, кроме своих сугубо личных и смехотворно микроскопических проблем, почти ничем не интересовались. И по этой причине о реальной жизни мы ровным счетом ничего не знали. Да и знать ничего не хотели!

— **Что вы осуждаете в молодежи?**

— Бездуховность, которая захлестнула сейчас весь мир и является, на мой взгляд, причиной многих бед. Именно из-за нее молодежь совершает неслыханные в истории преступления. Ни у кого еще не изгладилось из памяти, как года два назад террористами был взорван индийский самолет. А вспомните, из кого в основном состоят боевики, которые устраивают взрывы бомб во Франции? Все это делается руками не особо долго размышляющих молодых. Я понимаю борьбу за свободу, борьбу за свои идеалы, но когда эта борьба превращается в кровавое месиво ни в чем не повинных людей, в том числе маленьких детей, женщин и стариков, то... Что же я могу сказать о такой молодежи? Пусть даже этим молодым людям кажется, что они одержимы благородными порывами. Но когда порыв превращается в насилие, то, простите, я перестаю верить в это благородство. Конечно, я беру крайность, но ведь все это было, да и сейчас происходит, и всякий раз я бываю до глубины души потрясен случившимся. Да и нет, наверное, на земле людей, которые бы ко всему этому ужасу оставались совершенно равнодушны. К сожалению, экстремистские элементы среди молодежи многих стран, которые бездумно совершают террористические акты, не так уж малочисленны. Их действия в моем понимании просто не укладываются, противоречат моим чувствам и представлениям. Да, борись: жизнь — это и есть борьба. Но борись не с беззащитными и не исподтишка.

— **Чем молодежь вашего времени превосходила современную?**

— Молодежь нашего времени была в меньшей мере информирована, но в чем-то она была милее. Распущенности, наркомании, пьянства, безнравственных поступков в нашей среде практически не было. Я рос среди ре-

бят, происходивших из самых бедных слоев общества. (В те счастливые дни еще не было постоянного теперешнего деления на группки в зависимости от того, кто твои родители. Тогда, простите, такого дворового анализа и последующего социального расслоения еще не было.) Мы все жили одной семьей. И такая дружба теперь кажется просто сказочной. Кстати говоря, точно такие же истинно человеческие отношения вновь установились в очень тяжелое время — в годы войны. И это было вовсе не чувство какой-то вполне оправданной и обычной взаимовыручки в бою, с которой каждому из нас, фронтовиков, приходилось сталкиваться в самый тяжелый и опасный для него момент. Нет, это была та самая крепкая, всепобеждающая дружба, какую мы узнали в дни нашего по-настоящему счастливого детства.

— **Получается, что только серьезные испытания по-настоящему объединяют людей, делают их более человечными, и то, что среди молодежи сейчас такие взаимоотношения стали редкостью, говорит о том, что...**

— ...Молодежь живет, учится и работает у нас в прекрасных условиях. Правда, я бы не хотел, следуя только что выведенной нами формуле, настаивать на том, что молодежи нужно немедленно сказать: «Давайте мы создадим вам трудности — и вы станете людьми». Хотя Анатолий Франс в свое время и заметил, что человечество должно быть принуждено к добродетели.

— **Как вы относитесь к дисциплине? Должна ли она, на ваш взгляд, играть какую-то заметную роль в воспитании подрастающего поколения?**

— Сама жизнь показывает, что от «давящей» дисциплины пользы никогда не бывает, а вот вреда очень много. Это было замечено еще несколько столетий тому назад. Например, у Джона Локка, знаменитого английского философа-материалиста XVII века, который в педагогике исходил из решающего влияния среды на воспитание, есть очень верное высказывание о том, что если из мальчиков, полных огня и жизни, иногда вырастают замечательные и даже великие люди, то души слабые, прижатые, развиваются с большим трудом и очень редко превращаются во что-нибудь годное.

— **Какую особенность современной творческой молодежи вы, как художник, больше всего цените?**

— Не только среди творческой, но

и среди лучшей части нашей молодежи меня больше всего восхищает ее удивительная духовная тонкость. Со множественной юношей и девушек мне приходится говорить о бесчисленных проблемах, возникающих в творческой работе, в их жизни да и вообще в мире. И каждый раз их суждения, пронизательность, с какой они понимают все происходящее как в искусстве, так и в мире явления, дают мне даже какой-то творческий заряд. Но мне претит невоспитанность, которая иногда сказывается в отношении некоторой молодежи к взрослым, главным образом к своим родителям. Кроме того, у нас процветает какое-то узаконенное потребительство, желание детей, чтобы за них все делали родители. Должен сказать, что в этом смысле мы находимся не сколько в ином положении, чем отцы и дети во многих других странах мира, где мне довелось побывать. Мне хочется провести это полезное сравнение. У нас почему-то бытует представление, что родители должны — просто обязаны! — все делать за своих детей. Это я по себе знаю. Я сам все делаю за своих детей, хотя ни в коем случае и не считаю их паразитами. В других же странах, в европейских и США, детей довольно быстро отделяют и заставляют их жить самостоятельной жизнью. И в этом есть очень много верного. Это довольно быстро делает молодых жизнеспособными.

— **Что вы можете сказать о таком явлении среди молодых, как карьеризм?**

— Карьеризм существовал во все времена. Однако сами обстоятельства в нашем обществе создавали благоприятные условия для его процветания. Но сейчас в нашей стране наступает новое время, когда карьеристам придется туго. А ведь совсем в недавнем прошлом им было очень даже вольготно, потому что процветало создавать отношения, при которых все строилось на торгашеском принципе «ты — мне, я — тебе»; корни негативных явлений, захватывающих молодежь, прежде всего в дефектах общества, которые сохранялись у нас в течение нескольких последних десятилетий. А молодежь всегда была и будет зеркалом всех наиболее ярких явлений своего времени. Но нельзя сказать, что она тут совершенно ни при чем. Я считаю, что и сам человеческий фактор очень много значит. Носители этих явлений тоже виноваты, потому что они не какие-то там инертные и аморфные тела, а самые что ни есть непосредственные и живые представители нашего человечества.

Если вспомнить, во все эпохи, и в рабовладельческом обществе, и во времена святой инквизиции, как известно нам из истории, были великие и порядочные люди. Так что кивать только на условия и совсем не учитывать себя было бы не только безнравственно, но и неправильно. Я ни в коем случае целиком не придерживаюсь знаменитой классической философской формулировки, говорящей о том, что только бытие определяет сознание. Очень многое в этой жизни зависит и от того, как ты сам относишься к бытию. Глубоко убежден: никогда не позволять среде уродовать себя — самая основная задача настоящего человека. Поэтому я всегда говорю своим молодым друзьям: «Вы мне не жалуйтесь. Ведь всем нам дано одно солнце, одни звезды, одни библиотеки, один снег, одна жизнь, одни представления о нравственности. Поэтому живите только так, как велит вам совесть. И никогда не забывайте, что вы сами кузнецы своего счастья». У нас молодежи дано очень мало самостоятельности. Все напрочь забрали себе взрослые и руководят молодыми.

— **А каким образом, по-вашему, молодежи следует помогать?**

— Только добрым советом. Да и то в случае, если они в этом нуждаются или этого совета просят. Во время зарубежных встреч с молодежью я был приятно поражен тем, что там она очень раскованная, искренняя и всегда предельно откровенная в разговорах. (Я думаю, что молодежь только такой и должна быть.) Кроме того, она свободна от многих совершенно ненужных правил и условностей. Знакомство с ней оказалось для меня очень полезным: я стал яснее видеть и недостатки, и преимущества наших ребят. Понять, наверное, нашей молодежи необходимо этой раскованности. Она ведь очень помогает человеку быть более общительным, интересным и благодаря этому в какой-то мере даже более образованным, информированным. Кроме того, какой-то части нашей молодежи следовало бы в первую очередь, как мне кажется, поучиться у своих сверстников умению сознательно и хорошо учиться. Ведь если они учатся, то учатся не как попало, «лишь бы не выгнали», а только старательно. Признаться, мне очень запомнилась одна встреча в Канзасском университете — я познакомился с юношей, который одновременно занимается на двух факультетах. Когда я поинтересовался, почему, он ответил: «Если мне в жизни не повезет в одном, буду пробовать себя в другом. Чтобы не оказаться в числе неудачников или безработных». Смотрит, какая у него ясная, четкая жизненная позиция! Если не повезет в одном... Молодой человек в жестких условиях капиталистического общества просто вынужден серьезно думать о своем будущем. Поэтому он и старается изо всех сил. Тут действуют разные факторы. Кстати говоря, то, что у них требовательность к работающему человеку чрезвычайно высокая, а у нас чрезвычайно низкая — была до настоящего времени, во всяком случае, — очень существенно отражается на производительной деятельности. Как раз в этом, по-моему, и таится

корень преуспеяния или непреуспеяния, экономического развития общества. У нас многие молодые относятся к своему будущему с безразличием или же с пугающей беспечностью. «Ну куда-нибудь устроюсь, будут платить рублей 150, и ладно. А если повезет, то и делать ничего не нужно» — я не раз слышал подобные откровения. Там же все диктуется конкурентоспособностью. И конкурентность там чрезвычайно высокая. Поэтому всякий молодой человек обязан учиться так, чтобы обязательно быть чуточку лучше других. Только при таком условии его судьба будет устроена. У зарубежной молодежи можно поучиться и трудолюбию. Ведь там очень многие юноши и девушки, которые не имеют возможности платить за свое образование, работают подавальщиками в столовых, подстригают траву на газонах, подметают, выдают книги в библиотеках, моют посуду. И это ничуть не кажется им зазорным, а считается самым нормальным и обычным. У нас, конечно, тоже есть ребята, которые работают дворниками, истопниками, разгружают вагоны, но это, к сожалению, диктуется не личной инициативой, а только жизненной необходимостью. Там же это вызвано в первую очередь воспитанием и стремлением молодежи к самостоятельности. Хотелось выделить и еще одну отличительную черту: зарубежная молодежь делает все только на совесть! (Иначе ей ни гроша не заплатят.) Там в этом отношении очень строго, и мне это нравится. А у нас — это у нас-то, вы только подумайте, в стране труда! — даже родилась такая лихая поговорка «Где бы ни работать, лишь бы не работать!». И, к сожалению, эту фразу чаще всего произносят молодые. Вот вам парадокс. Меня утешает лишь мысль, что большинство нашей молодежи трудится все-таки поистине героически. Правда, на Западе, к сожалению, о нас очень мало знаний. А если даже они и есть, то, как правило, поверхностные, неточные, искаженные. Дело порой доходит до наивности, до смешного. Ну, например, в Канзасском университете ко мне подошла девочка, которая довольно хорошо говорит по-русски, потому что учится на славянском факультете: «Господин Розов, вот я хотела бы поехать в Россию, в Сибирь, выйти там замуж за православного и жить в православии. Это возможно?» Ну как вам это нравится, жить в Сибири и в православии! А в Гарвардском университете, куда мы ездили еще вместе с Валентином Петровичем Катавым, мы спросили у группы студентов, которая изучала литературу: «Кого вы знаете из советских писателей?» После некоторой паузы один интеллигентный парень в очках с самым серьезным видом ответил: «Чехов». Словом, зарубежная молодежь нас совсем не знает. У меня создалось такое впечатление, что живет она в дремучем лесу, где нет ни радио, ни телевидения, ни даже ежедневных газет, и для получения представления о нашей стране она питается только слухами, доходившими до нее очень сложно, получаемыми только из третьих, не всегда чистых рук. Ну а слухи, и это не открытие, далеки от истины. Так что предстает мы перед зарубежной молодежью в весьма искаженном свете. Наша молодежь гораздо осведомленнее и знает о своих зарубежных сверстниках намного больше, потому что у нее есть все условия, чтобы получить объективную информацию. Мне хочется сказать еще вот о чем: среди тех молодых людей, с кем мне довелось общаться, я ни разу не встречал злобного или настороженного отношения ни к себе лично, ни к нашей стране. Вся молодежь проявляла к нашей стране самый живой, искренний интерес... Однажды, когда мы ехали вдоль живописного Гран Каньона в США по направлению к маленькому сарайчику, именуемому аэровокзалом, нам попался юноша с огромным рюкзаком за плечами. Мы решили его подвезти и остановились. Он подсел и во время завязавшегося разговора все о себе рассказал. Выяснилось, что со-

всем недавно он окончил школу и теперь идет пешком до Аляски. Родители у него очень обеспеченные люди, но он сказал, что ничего у них не возьмет и пойдет пешком по стране, зарабатывая себе на хлеб только самостоятельно. Он уже работал на лесоповале, был чернорабочим, убирал мусор. «И куда ты идешь?» — спросил я. Он ответил: «Я хочу пройти всю Америку». Спрашиваю: «А зачем?» — «Хочу посмотреть, где я больше всего нужен. Там и останусь работать на всю жизнь». Вот вам эпизод!.. Конечно, и там лоботрясов хватает, но есть и такие люди.

— Как вы относитесь к увлечению молодежи модой?

— Очень положительно. Мне нравится, когда на девочках мини-, макси-, миди-юбки, а на ребятах джинсы или там штаны из натуральной кожи. И я считаю, что мне очень повезло последний раз в Англии, когда я увидел ребят с раскрашенными в несколько цветов волосами и со стоящим, как у петуха, гребнем на вершине. Это, конечно, перебор, но меня это зрелище очень повеселило. Ну почему, скажите, не повалить дурака в этом возрасте? Кому это мешает? Мне скажут, что это мешает взрослым, которые давным-давно сформировали свой взгляд на вещи. Но ведь все это относительно. Потому что если бы взрослые с детства привыкли видеть вокруг себя только разноцветные волосы, то чьи-то естественные волосы приводили бы их просто в ужас. Вот их и удивляет, как это может быть так, как они совсем не привыкли. А тут все происходит предельно просто — по Павлову: образовался у человека устойчивый условный рефлекс, и когда какая-нибудь привычная причинная связь рвется, человек возмущенно и испуганно кричит: «Безобразия! Хулиганишь!» А ведь этой чепухе можно только улыбаться, и не более. Когда я поинтересовался, что это за разноцветная молодежь, мне ответили: «Обыкновенные, самые безобидные ребята, просто так развлекаются». К ним, кстати говоря, в Англии сначала среди взрослых тоже было довольно настороженное отношение. Но потом произошло крушение поезда, и именно эта молодежь, которая оказалась поблизости, не растерялась и первая бросилась спасать и вытаскивать из-под обломков раненых, оказывала им первую помощь, вызывала спасательную команду. Словом, все из них проявили себя настоящими героями. И в результате отношения к ним сразу же переменялись... Но вот что касается рок-музыки, то лично я эту музыку не воспринимаю. Очень редко из всех этих музыкальных поисков мне что-то нравится. Я много всего такого слышал и в живом исполнении, и в совершенно жутком, когда что-то только очень громко гремит или же захлебывается в собственной монотонной дикости. Отношусь я к такой «музыке» в лучшем случае равнодушно, не считая каких-то очень нежных ансамблей. Но молодежи это любит, и я не имею права говорить, что это плохо... Вообще польза моды состоит в том, что она существенно обогащает какие-то стороны нашего бытия. Благодаря ей и одежда появляется более удобная, и разнообразия больше. Представляете, что было бы, если бы все мы вдруг начали ходить в одинаковых рубашках? Сначала бы все просто смеялись, но через денек-другой нам стало бы не до смеха. Я всецело за увлечение молодежью модой! Но наша промышленность, к сожалению, от жизни ужасно отстает. Она на редкость неповоротливая. Сколько времени пройдет, пока там вынесут решение, потом постановление, потом распоряжение! А потом еще указ! Потом приказ! И только начнут шевелиться, а там, глядишь, и мода уже другая. А от прежней и след уже простыл. И только тогда, наконец, приходит в магазин опоздавший на десять лет товар, от которого во все стороны разбегается молодой покупатель.

— Что даст молодежи, по-вашему, проводимая сейчас школьная реформа? Проводились ли такого рода

реформы в годы вашего учения в школе?

— На мне, когда я учился в школе, было испробовано столько реформ и проведено экспериментов, что у меня к ним выработался стойкий иммунитет. А если серьезно, то иногда просто поражаешься, что наше поколение в результате вообще не оказалось какими-то абсолютными недотепами. Но вспоминать это приятно. В 20-е годы у нас сначала практиковалась пятибалльная система оценок. Потом пятибалльная, но уже наоборот: единица была самой лучшей отметкой, а пятерка — самой плохой. Потом была столбальная система: на каждый предмет у нас был кусочек бумаги, в середине красная черта, разделяющая на 50 процентов. Оценка выше черты 50 считалась хорошей. А если выходило 85 или 90, это вообще было превосходно. Если же гораздо ниже 50, ну, там 28, 16 или 12, то это было черт-те что! Потом на нас экспериментировали еще одну систему обучения: на стене вывешивалось расписание уроков, а ты, маленький мальчик, приходишь и смотришь, куда тебе хочется идти, — туда и идешь. Потом была еще одна совершенно замечательная вещь: так называемый бригадный метод — по четыре-пять учеников в бригаде. Отвечает один, а оценка ставится всем. Бригада, как правило, состояла из двух развитых и двух неразвитых. Но всем ставилась одинаковая оценка. Отвечали всегда два развитых. Или кто-то один готовил химию, а остальные лоботрясничали: купались в Волге, удили рыбу. Замечательное было время: можно было только удить рыбу и быть круглым отличником! Чего только не было! Что же касается современной школьной реформы, то она предьявляет к детям очень серьезные, даже жесткие требования. Но это диктуется необходимостью. Усложнился мир — усложнилась школа. Глубже стали физика, химия, математика, естествознание, другие предметы. Больше внимания наконец-то отводится трудовому воспитанию. Школа у нас универсальная, и изучать надо все. Я в свое время сам ненавидел какие-то предметы, считая, что они мне в жизни совершенно не понадобятся. Но где-то эти полученные знания все равно проявлялись, сказывались на мировосприятии, оказывались очень нужными. Определить в школьной работе нужно очень многое. Недавно я присутствовал в Доме литераторов на встрече, где педагоги слушали выступление одного товарища из отдела народного образования. Он говорил, что на Достоевского в связи с введением ряда новых дисциплин будет отведено только пять часов вместо шести. Зал ахнул, занеогодовал. Как! На Достоевского вместо шести часов только пять! А я сидел и смеялся, потому что какая разница, сколько часов на Достоевского, — пять или шесть. На него и тысячи часов не хватит!

— В чем, на ваш взгляд, смысл проводимых фестивалей молодежи?

— Я думаю, что на этих форумах молодежи у ребят обязательно завяжется крепкая и долгая дружба. Они разъедутся по своим странам и расскажут о нашей молодежи. Такие встречи должны сближать народы. Это сейчас крайне необходимо. Но вообще я сторонник того, чтобы наша молодежь сама как можно больше ездила по белому свету. К сожалению, у нее такой возможности пока еще очень мало. Помню, как однажды я ехал на пароходе из Турку, это финский порт на Балтийском море, в Стокгольм. И вот, поднявшись очень рано утром, чтобы полюбоваться удивительной панорамой знаменитых шведских шхер, которая открывается перед тобой, когда подъезжаешь к Стокгольму, я увидел, что вся палуба буквально усеяна спящими ребятами: кто устроился на надувном матрасике, кто в спальном мешке, кто просто завернувшись в плед. Рядом с ними как попало лежали фотоаппараты, записные книжки, дневнички, всякое шмотье. И признаюсь, что я проби-

рался среди всего этого цыганского великолепия с большим трудом, и мне было до обидного жаль, что среди этой счастливой молодежи не было ни одного нашего парня или девочки. Мне бы очень хотелось, чтобы наша молодежь больше видела мир. Видела его своими глазами. И ничего, что сначала она от удивления широко разинет рот и, быть может, даже невыгодно сопоставит какие-то стороны той жизни с нашим бытом. Но это только сначала! Потом, если молодежь будет ездить больше, она благодаря этому получит возможность увидеть все трезвыми глазами и сумеет оценить все по достоинству. Тогда она по-настоящему поймет преимущества нашего общества, потому что посмотрит на все как бы со стороны. Много, ах как много, встречал я вот таких ребят с котомками и рюкзаками за спиной. Никогда я не забуду, как во Флоренции я познакомился с ватагой жизнерадостной молодежи, которая сидела на ступенях изумительной по красоте церкви, носящей не менее поэтическое название «Божья мать во цвету». Они мне так понравились, что я их даже заснял. И когда я с ними разговаривал и ребята узнали, что я из Советского Союза, они окружили меня плотным кольцом, и начались взаимные расспросы. Я спросил: «Как вы путешествуете? Откуда берете средства? Родители дают?» «Нет, — ответили мне, — сами подрабатываем. Даже там, где путешествуем». А во Флоренции незадолго до нашего приезда было мощное наводнение: река Арно вышла из берегов и повредила много архитектурных художественных сокровищ. Так что работы там хватало. И вот эти ребята сначала занимались разборкой размытых мостовых, потом укладывали эти тяжелые камни на место, убирали принесенный потоком мусор. На всем этом очень хорошо подработали. Я с большим интересом обо всем слушал, и вдруг один паренек спрашивает: «Скажите, вот нам говорят, что в Советском Союзе каждый человек, если захочет, может сразу же получить работу. Но ведь это же неправда! Вот вы из Советского Союза, так скажите, как там на самом деле?» Меня это страшно изумило. Я ответил: «Конечно, работу вы найдете в любой момент — и тяжелую, ручную, ну там мусор убирать или вагоны разгружать, и более интересную, если у вас есть какая-нибудь профессия. А если вы к тому же отличный специалист, то вообще будете наращивать». Все это для них кажется неправдоподобным, настолько вопрос с трудоустройством у них остро стоит. У них ведь десятки миллионов остаются просто не у дел, за бортом жизни. Я, правда, не говорю, что у нас по сравнению с ними довольно низкая зарплата. Это вопрос другой. Там за работу платят очень хорошо — и за квалифицированную, и за черную. Только вот найти там работу довольно сложно, а иногда и почти невозможно. Но у нас, с другой стороны, отсутствие безработицы порождает определенный трудовой паразитизм. И если там молодежь любую работу ценит очень высоко и всегда старается выполнить ее как можно лучше, то наши удалыцы-молодцы нередко делают все кое-как, лишь бы от предложенного дела отделаться, но при этом, замечать, никогда не забывают получить свою тринадцатую зарплату и все назначаемые премии, и никто из них никогда не задумается: за что ему все это прямо с неба падает. Так что только живое, непосредственное общение способно заставить молодых людей взглянуть на себя трезво, бескомпромиссно. Кроме того, путешествуя, ребята смогут своими глазами увидеть планету — наш общий дом, который необходимо сберечь. Молодежь должна думать о судьбе планеты.

— Значит, вы будете спокойны за будущее, если оно будет в руках теперешней молодежи?

— Уж никак не думаю, что эта молодежь будет хуже нашего поколения.

ЖЕСТОКОСТЬ

ПИСЬМО

Десять лет назад моя дочь вышла замуж за парня, с которым училась в одном институте. На третьем курсе у них родился сын. Мальчик остался у меня (дочь не хотела прерывать занятия), и я вынуждена была поменять работу, чтобы иметь возможность воспитывать внука.

В 1982 году родители Димы окончили институт, и я передала им сына — здорового, спокойного мальчика. Однако с первых же дней отец Димы стал предъявлять претензии: мол, их сына воспитывали неверно. Началось перевоспитание. Поначалу было запрещено готовить что-либо вкусное и питательное для мальчика. «Специально для него мы готовить не будем!» — заявил отец, несмотря на то, что ребенок начал катастрофически худеть. Ласкать, успокаивать, утешать ребенка также запрещалось. Ушибся он, а ему говорят: «Так тебе и надо!» Обидят его: «Сам виноват!» Заболеет мальчик: «Притворяешься...» Дело дошло до того, что, когда я как-то попыталась утешить ребенка, он бросился на меня с кулаками(!), оказывается, этому его научил отец.

В первые годы жизни с родителями Дима перенес несколько тяжелых простудных заболеваний, две операции по удалению аденоидов, гайморит, который перешел в хроническую форму.

Когда Дима был со мной, он не знал, что такое брань, а тем более физические наказания. Отец же без всякой причины стал жестоко избивать его солдатским ремнем. Бил по лицу. На выходные дни я брала внука к себе (живу отдельно), и часто он приходил то с разбитыми губами, то с синяками на лице... А каких усилий стоило возвращение мальчика к родителям — плачет, кричит, что его бьют дома, судорожно хватается ручонками за стулья...

Однажды Дима пришел ко мне с разбитой челюстью. Целые сутки он голодал, не мог есть. На мои вопросы отвечал с неохотой: «Не знаю, кто ударил. Спроси у мамы...» Его отец мне признался: ударил сына за то, что мальчик в сахарницу налил воду...

С этим невозможно было мириться. В который раз я говорила родителям, что нельзя быть такими бессердечными, жестокими с маленьким ребенком. Давала им читать педагогическую литературу. Словом, стремилась как-то повлиять на них. Тщетно. Дочь откровенно сказала мне, что все мои хлопоты напрасны, ибо как-то по-другому

они уже не смогут воспитывать сына! Да, она знает, что ее муж — садист, знает, но разводиться не желает: боится остаться одна. Поэтому и приносит в жертву сына. И дела ей нет до того, что у него тяжелейший невроз.

Вскоре я узнала: моя дочь сама стала избивать ребенка, мстя ему за то, что он рассказывает, как обращаются с ним родители. И это моя дочь! Когда-то добрая, кроткая девочка! Теперь же это озлобленная, лживая, жестокая женщина, у которой совершенно отсутствуют материнские чувства. Я поняла, что чем чаще говорю с ней и ее мужем о мальчике, тем больше они звереют, тем сильнее истязают его.

Не так давно Дима, ночуя у меня, проснулся с криками и плачем: ему приснилось, будто бы родители его пытаются... Ребенок перестал расти — за последние полгода он ни одного сантиметра не прибавил в росте. Стоматолог установил у него деформацию верхней челюсти — видимо, сказались отцовские удары по лицу.

Диме скоро девять лет. Он хорошо понимает, что родители его не любят, и очень страдает от этого — морально и физически. Страдает и, на мой взгляд, постепенно превращается в жестокого человека. Так, мальчик часто играет в «убийства», спрашивает, как убивать людей, куда надо бить...

Изменились ли родители? Отнюдь. Они по-прежнему верны себе — развлекаются, как могут. «Не забывают» и о сыне — берут его в различные компании, где ребенок видит, как они употребляют спиртные напитки, водят его на взрослые фильмы... Как заявляет моя дочь, ради сына они ничем жертвовать не собираются, так как дети все равно вырастают неблагодарными.

Мне страшно за Диму. Что с ним будет дальше? Как спасти ребенка, как уберечь его от преступного влияния родителей? Да и возможно ли это?

С уважением Н.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Не взволновать это письмо не может. Думаю, что оно взволнует даже тех, кто считает, что подзатыльник, шлепок или порка служат на пользу воспитания строптивого, непослушного ребенка. Конечно же, сверхэмоциональный, с повышенным чувством долга, жестокий человек отнесется к ребенку иначе, чем спокойный, равнодушный или добрый. Тут сказываются и жизненный опыт, и характер, и образование, и культура... Не хочу да и не вправе обижать автора письма, но если с ее дочери так скоро слетело воспитание и она превратилась в уголовную преступ-

ницу, то вряд ли тут можно винить только одни какие-то семейные обстоятельства и неурядицы.

Как отмечает Всемирная организация здравоохранения, волна жестокости в обращении с детьми захлестнула весь мир. Увы, эта волна накатилась и на наше общество. Как же так, подумает читатель, ведь мы в отличие от капиталистических стран не культивируем и не пропагандируем насилие, не голодаем, не знаем безработицы, у нас нет бездомных... Так откуда же быть жестокости? Где ее корни?

Да, мы не знаем этих острых социальных проблем. Но дело не только в них — не будем упрощать. А разве негативные тенденции в нашей экономике не повлияли на психологию, сознание людей, на их убеждения? Бесспорно, что это одна из главных причин снижения критериев гуманизма — основных качеств личности. Этика, мораль, нравственность — эти и другие понятия для многих уже не существуют. Они воспринимаются как нечто абстрактное. Сыграл свою роль — увы, отрицательную — и научно-технический прогресс. Все больше механизировался наш быт, разнообразнее становился досуг, появлялось все больше соблазнов — музыка, всевозможные зрелища... Однако, чтобы приобрести новые предметы домашнего обихода, модную одежду, дефицитные товары — дубленку, супераппаратуру, автомобиль, — нередко требовались (и требуются) огромные усилия, время, средства... Мы как бы заразились вещизмом: деформировалось сознание людей.

Не стало хватать времени на посещение театров, выставок, на чтение книг, мы забыли, что такое человеческое общение, замкнулись в мире вещей, позабыв о святом — о детях... Возникла так называемая проблема «лишних детей» — стала падать рождаемость, особенно в прибалтийских республиках. Это закономерно. Именно там отмечается наиболее высокий уровень жизни, организованный труд... Молодежь Прибалтики раньше других столкнулась с новейшими достижениями научно-технического прогресса (тут, конечно, подразумеваются и профессиональные интересы, работа), увлеклась ими, отменяя все помехи и лишние хлопоты и заботы. Да и рождение детей, их воспитание нередко молодежью воспринимаются как ненужная обуза. И возникла проблема воспроизводства населения. Теперь это уже государственная проблема!

По мере возврата к высшим моральным нормам общества отношение к детям, безусловно, будет постепенно улучшаться. Однако надо знать, что «синдром опасного обра-

щения с детьми» (СООСД) не ограничивается только лишь избиением ребенка. Унижение его, злобные интонации в разговоре с ним, нарушение режима, перекармливание, игнорирование интересов детей, задабривание распущенного дитяти подарками, сладостями, модной одеждой, денежными подачками — все это тот же синдром.

Полагаю, что одна из эффективных мер в борьбе с этим синдромом — широкая гласность. Каждый случай жестокого или неправильного обращения с ребенком надо выносить на суд общественности. Как показывает практика, в отдельных случаях достаточно бывает серьезной беседы с родителями, и они в корне меняют свое отношение к ребенку. В других же приходится за помощью обращаться в трудовые коллективы. К сожалению, не обходится и без вмешательства юридических органов...

Да, против некоторых родителей приходится применять самые строгие меры, вплоть до лишения родительских прав, привлечения к уголовной ответственности. Ведь дело доходит до того, что ребенка морят голодом, отцы насилюют малолетних девочек, наносят телесные повреждения... Заметьте: чуть ли не каждое второе преступление родителями совершается в пьяном состоянии! Убежден, если бы мы, используя все средства массовой информации, правдиво и широко говорили о всех причинах жестокого обращения с детьми, то эта проблема решалась бы куда быстрее.

Станислав ДОЛЕЦКИЙ,
член-корреспондент АМН СССР

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Не так давно мы приветствовали рождение на планете пятимиллиардного человека. Но, как справедливо было отмечено, «День пяти миллиардов» — повод не только для празднования, но и для серьезных размышлений. И тому подтверждение — письмо читательницы Н.

Конечно же, комментарий члена-корреспондента АМН Станислава Долецкого не завершает разговора о жестоком отношении к детям, а, напротив, открывает его.

Мы надеемся продолжить этот разговор вместе с вами. Итак, ждем ваших писем.

ИЗБРАННАЯ

ПЕРСОНА

Виктор ЛИННИК

Пичугин, плотно сбитый, крижистый, лет пятидесяти, когда-то огненно-рыжий, а теперь цвета окисленной меди, подбитой сединами, угрюмо сосредоточенный, что все чаще бывало с ним в последнее время, медленно, казалось, даже с натугой отворил дверь в конторский предбанник. В ответ на привычно игривое, со стрельбой глазами «Доброе утро, Ван Ваньч!» секретарши Ирэны Пичугин, не глядя, коротко и хрипло бросил «Привет», глухо кашлянул, на ходу разминая толстыми пальцами сигарету, и, слегка косолапя, прошел прямо в палатку к себе в кабинет, воздержавшись от обычных комплиментов Ирэниной пышной красоте, томившейся от вынужденного восьмичасового простоя на работе. Наметанным за два года сидения при начальстве глаз секретарша углядела, что лицо Пичугина, обычно пунцово-красное, с темневшими на нем крупными веснушками, на сей раз было бледным, морщины на лбу и возле глаз вдавлены сильнее, чем всегда. «Господи, неужели снимают?» — испуганно подумала она, задавая себе вопрос, который вот уже несколько месяцев подряд мушолдила в курилках вся базовская шоферня.

Пичугин, лет шесть сидевший на хлопотной, но благодарной должности заведующего трестовской автобазой, слышал об этих разгарах — верные люди держали в курсе, недобро усмехался, но сам ответа не знал. В кабинете он сбросил пальто на одну из обтянутых коричневым кожзамом кресел — финский гарнитур, предначавшийся высокому начальству, помогли достать в свое время приятели из

облснаба, сделавшие выбраковку «в связи с повреждениями при транспортировке». Разумеется, за мзду. Пичугин жадно затянулся кислым, едким дымом, машинально пододвигая к себе латунную пепельницу, привезенную из Индии в качестве сувенира кем-то из знакомых. Настроение было ни к черту, под стать зарядившему, кажется, всерьез и надолго дождю за окном. Всю жизнь спавший, как младенец, Пичугин стал страдать от бессонницы, вставал по ночам, чертыхаясь, курил на кухне, шуршал газетами. Сегодня, далеко за полночь, он достал початую бутылку коньяка, плеснул себе в чашку, выпил.

Вообще-то с недавних пор Пичугин, сам никогда не отличавшийся тягой к спиртному, но благожелательно взиравший на бесконечные застолья на работе как на неизбежную принадлежность всех праздников и дней рождений сослуживцев, даже внешне круто переменился. Первым почувствовал это на себе начальник колонны Светловидов, любимец Пичугина, черноусый румяный красавец, о способностях которого употребляли любые напитки в неограниченном количестве ходили на базе легенды. Мерой пресечения Пичугин избрал собственный приказ, изданный после ставших ему известными возлияний Светловидова с автобазовскими учетчицами. «Как не учитывать требования времени, объявившего беспощадную борьбу с зеленым змием, — гремел пичугинским голосом вывешенный на всеобщее обозрение приказ, — Светловидова лишить годовой премии и перевести в водители сроком на три месяца». На базе поняли, что начальство не шутит, и с этим делом сильно попортились.

Пичугин тронул себя за плоский, словно обрублен-

ный затылок — поламывало с утра, видно, опять подскокило давление. «К врачу, что ли, зайти?» — вяло, как о чем-то его не касавшемся, подумал он. Но ни делать что-то, ни просто двигаться не хотелось. Самое непривычное было для него — не знать, откуда ждать удара, когда грянет начальственный гром. И эта неопределенность давила, усиливала смутную тревогу, тяжкие предчувствия, которыми наполнился его дни.

Сквозняки от дувших над страной свежих ветров обновления докатывались и до их облцентра. Залихорадила, убаютываясь неспешная прежде череда снятия и выдвиганий. Старое начальство разлеталось кто куда. Кто тихо сматывался на пенсию, кто был снят, а начальник треста Карцев, на что марши не промах, тертый калач, уже третий месяц был под следствием и, как договаривали, вскоре должен был двинуть на стройки химии. Карцев, Карцев... Это после его ареста Пичугин потерял и сон, и аппетит. Его вызывали в прокуратуру, допытывались о взаимоотношениях с Карцевым, прямо спрашивали, не брал ли он с Пичугина, как с других, Пичугин, понятно, все отрицал, рассуждая, что Карцев о нем не расскажет, нет ему резона брать на себя лишнее, но струхнул не на шутку. Хотя ежемесячные подношения Карцеву всегда происходили с глазу на глаз, но мало ли что?

Пичугин зябко поежился, стряхнул пепел с сигареты и вдруг неожиданно для себя явственно вспомнил испытанное им жгучее чувство стыда, когда он вскоре после своего назначения на место завбазой впервые втиснулся в кабинет Карцева, не зная, как избавиться от, казалось, прожигавшего ему карман конверта

с вложенными купюрами. Раздираемый страхом, злостью на собственную нерешительность, сомнениями — вдруг человек, подсаживший ему этот ход, просто подставлял его под удар. — Пичугин, бормоча, словно в бреду, какие-то слова, чувствуя, как кровь прилила ко вмиг отяжелевшему лицу, положил на стол злополучный конверт.

К его удивлению, ни один мускул не дрогнул на лице Карцева. Проходясь пятерней по буינו выщипанным волосам и одновременно поправляя галстук, который торчал где-то посередине могучей карцевской груди, начальник треста проговорил, внимательно глядя в глаза Пичугина: «Да, Пичугин, помнишь, Хемингуэй говорил, за все в жизни надо платить? И я тоже плачу». Ничего такого про Хемингуэя Пичугин, конечно, не помнил, но на всякий случай согласно кивнул.

Потом Пичугин выучился, как делаются дела, и угадывал безошибочно, на какую дачу и кому везти стройматериалы в первую очередь, сколько вернуть за сниженный план, за сверхнормативные фонды, как выбить премию за несуществующую экономию горючего. Если только и удивлялся чему теперь Пичугин, так это своему собственному тогдашнему удивлению в карцевском кабинете.

Пичугин потянулся к сигаретам, закурил, медленно возвращаясь мыслями к сегодняшним неприятностям — со вчерашнего дня на базе копошилась очередная комиссия, проверяющие ходили хмурые, недовольные, кого-то вызывали к себе, куда-то заглядывали, и все втихую, тайком, словно его, Пичугина, и не существовало вовсе. Он взглядывал иногда на непроницаемых, исполненных важности контролеров, силясь угадать, что уготовано ему на этот раз, но на их лицах лежала печать высшей, жреческой тайны, которую Пичугину знать не полагалось. Правда, ничего хорошего он и не ждал. Встретившийся поутру Потапов, председатель комиссии, тучный, с расплывшимися чертами лица, вильнул глазами в сторону, явно не желая замечать Пичугина, которого хорошо знал.

«Змей ползучий, — в сердцах выругался Пичугин, вспомнив эту сцену. — Давай колай, да помни, сегодня ты, а завтра тебя». Он пошевелился в кресле, невидящими глазами скользнул по бумагам, разложенным под стеклом на столе, по импортной кабинетной мебели, с видом которой явно диссонировал огромный железный сейф, неизвестно для каких надобностей раздобытый хозяйственниками, ибо в нем, кроме сувениров, преподнесенных и тех, что предполагалось вручить, ничего секретного не было. Вперившись взглядом в окно, над которым висело темно-свинцовое, высланное сплошным покрывалом облаков небо, Пичугин шумно вздохнул. «Я-то знаю, отчего вы смурные, словно язвенники по весне, — подумал он уже о членах комиссии. — Да только не обломится нынче ничего, не те времена».

Еще каких-нибудь полгода назад приезд комиссии был для включенных в нее как праздник. Оповещали о приезде заранее, было время подготовиться, навести марафет, запустить на полный ход отлаженную машину по приему гостей. Членов комиссии вели прямо к Пичугину в кабинет, рассаживали, вручали нужные бумаги, в которых, считая, готовый отчет о проверке. Пичугин, подливая боржомнику, рассказывал пару запасенных к случаю анекдотов — что-нибудь в лицах, что всегда хорошо ему удавалось, вспоминал к слову, что «Спартак» опять вчера припх, тут кто-нибудь из своих заводил про рыбалку, и так, глядишь, сам собой разговор образовывался, и пошло-поехало. Работать с людьми, доходить до каждого человека — этому Пичугина не надо было учить.

А уж окончательно доходил он до приезжих в столовском сплеча, примыкавшем к его кабинету, где в эти минуты обычно наводил последние штрихи на стол, убористо уставленный яствами и многочисленными батареями бутылок, кавказец Володя, незаменимый человек по части достать невозможное и ублажить самых привередливых. Проверяющие, казалось, только что ушам не прядали, стараясь уловить, когда за стеной стихнет стук тарелок и прочей столовской фурнитуры, но все равно никогда не могли предугадать то всегда неожиданное мгновение, когда Пичугин, ведомый, казалось, наитием, озарением свыше — ибо никаких видимых и слышимых сигналов к нему явно не поступало, — вдруг скромненько произносил: «Ну, а теперь, гости дорогие, работа работой, а закупить надо, чем бог послал». И хотя Пичугин, как большинство современных материалистов, не верил ни в бога, ни в черта, а лишь умеренно интересовался экстрасенсами, небесный вседержитель, судя по убранству стола, склонен был смотреть на это сквозь пальцы и благоволением своим завбазой не оставлял, ибо посылая ему почти всегда набор продуктов, прочно вошедших в разряд дефицитных. Тут были икорка всякая, колбасы разных сортов — балыковая, салями, сервелат, вареная — из тех, что с запахом, а не с крахмалом, крабы, балычок, кета с северной и «зелень-мелень», раздобытая вездесущим Володей у земляков на городском рынке. В качестве завершающего удара было приспаяно фирменное блюдо Володи — жареный поросенок, аромат которого перебивал даже густо клубившийся в зале табачный дым.

Особо элитных товарищей Пичугин препровождал далее в загородную сауну, где состоявший при ней Володин приятель Тенгиз — огромный роста, столь густо заросший черными волосами, что тела его не было видно, проходилась мощными, властными руками по разомлевшим телам начальства, чем окончательно вызывал в удостоенных человеках благоволение.

И вот вся эта привычная, казалось, раз и навсегда отлаженная жизнь катилась под откос, и непонятно было, как ее удержать, на какие жать тормоза. Пичугин не мог без сожаления думать о том, сколько сил, да и денег тоже, было потрачено на то, чтобы утвердиться, наладить нужные связи, добиться расположения разного начальства, сколько нервов помотала ему жена, недовольная то отлучками мужа, то вторжениями в их дом многочисленных и прожорливых гостей. И вот все летело неизвестно куда. Накатившие, совершившиеся помимо его воли, перемены вызывали в нем чувство бессилия и тихой, сосредоточенной ярости.

Дождь усилился, порывы ветра изредка взрывали учащено дробный стук капель, забрасывали воду на подоконник. Пичугин с усилием поднялся, медленно подошел к окну, постоял, взглядываясь в пузырившиеся лужи, замершую из-за дождя жизнь на базовском дворе, и притворил раму. Сдаваться просто так он не собирался. В последнее время он не раз возвращался мыслями к четырем годам своей флотской службы, вспоминая особенно явственно учения под названием «борьба за живучесть» на их старой, еще военных лет подлодке. Он помнил, как его, тогда еще салагу-первогодка, поразила первая боевая тревога, бешеный стук каблучков разлетавшихся по отсекам матросов, задривание люков, хриплые, отрывистые команды командира боевой части — настолько реальным, страшным казалось все это поначалу. И как потом привык к этому, считая такие учения едва ли не самым главным во всей своей матросской жизни. «Вот она когда должна пригодиться, борьба за живучесть», — невесело хмыкнул он про себя.

Своим цепким, приметливым взглядом Пичугин ухватывал теперь, как самые верткие — из тех флюгеров, что всегда первыми подстраиваются под любой порыв, — враз выучились новым словам, сыпали ими со всех трибун, поучали, поправляли — «вносили коррективы», как теперь было принято говорить. Пичугин считал себя не глупее самых шустрых и рассуждал, как ему казалось, правильно: раз он наводстрился, и неплохо, играть в старые игры, то и новые, поднатужившись, должен как-нибудь сдюжить. Мало ли было на его веку перемены, успокаивал он себя, а проходило время, стихал шум, оседала пыль, и все «устаканивалось», как и не было ничего. Мозгами надо шевелить, и вся любовь, говорил он себе все чаще. Это волк красных флажков боится, а тут надо идти вперед, с опережением графика. Это шевеление, помноженное на растущую тревогу Пичугина за свою судьбу, подталкивало его к тому, чтобы с утроенной энергией набрасываться на тысячи дел: звонить в десятки мест, проводить реорганизации, сокращать одних, набирать других, мотаться к начальству за одобрением почина и инициатив, объявлять трудовые вахты и месячники ударного труда в честь очередных праздников, доставать материалы и даже бородачьи исполнителей памятных и мемориальных досок всяким городским знаменитостям, которые и открывались потом в торжественной обстановке при стечении народа и в присутствии районного, а случалось, и городского начальства. Хотя Пичугина несколько раз сдержанно хвалили наверху, ему все время казалось, что все это не то, чего-то главного, что могло бы убедить самых закоренелых скептиков, не хватало. Тогда приступы лихорадочной активности сменялись, как сейчас, апатией.

Правда, после вчерашнего собрания в его сознании смутно забрезжила одна мысль, которая, если ею правильно распорядиться, обещала многое. Он размышлял об этом ночью, крутил в голове и так, и сяк. Получалось — надо попробовать. Пичугин даже почувствовал легкий озноб, как охотник, вставший на верную тропу. «Если это провернуть, — подумалось еще раз, — тогда голыми руками меня не возьмешь».

«Ривкина ко мне», — громыхнул он в селектор Ирзене, убирая пальто в шкаф.

...Накануне собрания желчно продребезжал телефон — звонили из треста. «Иван Иванович, ты там проследи, чтоб все у тебя было в ажуре, в духе времени. Сам знаешь, сейчас писателей развелось тьма, растрезвонят тут же, если что не так. Скорцову дай выговориться, черт с ним. Подними народ на критику, пусть изложит все, что о тебе думает». — В голосе нового начальника треста явно чувствовалась ироничная улыбка.

«Понял, понял, конечно», — привычно кивал Пичугин в такт солидно рокошущим начальственным мыслям о демократизации, думая в сердцах: «А ты-то сам о себе не хочешь послушать? Тоже небось много бы полезного узнал...»

«Учи, сверху все время интересуются, как мы перестраиваемся. Бывай». — На другом конце провода раздались короткие гудки.

Расстарался Пичугин с собранием так, как только

он умел, когда нужно было выложиться. Главное и самое трудное было, он чуял нутром, — дать чужим понять, что раскованность у него на базе полная, но сделать это надо так, чтобы их не напугать. Поэтому выступавших в прениях готовил сам, беседовал с каждым. «О себе я сам скажу, будь спок, а ты больше упирай на общие недостатки, — свистящим шепотом проговаривал Пичугин, железными пальцами разминая локоть очередного намеченного для выступления. — Ну, и меня можешь слегка пнуть, все не без греха, знаю».

Старался Пичугин, как оказалось, не зря. Выступавшие высказывали один за другим, звонкие, непримиримые, отчего каждый раз вздрагивал и растерянно подслеповатыми глазами проверяющий из треста, выходящий, с лицом землистого цвета, струхнувший поначалу из-за того, что попал, как ему показалось, прямо в грозовую атмосферу партийных дискуссий времен разгрома троцкистско-зиновьевского блока, которые он, судя по замшелому виду, еще мог смутно помнить. В своем выступлении Пичугин вылил на себя столько, сколько от него не слышали за все предшествующие шесть лет. Он вспомнил многие свои прегрешения — из тех, конечно, о которых можно было говорить вслух, — собственную невоздержанность, редкие, как визит пришельца из другой галактики, заходы в шоферские курилки, детсад, который начали строить еще до прихода Пичугина и собирались продолжать, судя по всему, и после его ухода. В зале повисла мертвая тишина. Бухгалтер Сухачев, сидевший в задних рядах, сдвинул очки на лоб и оторвался от кроссворда, а учетчицы Зинка и Клавка, потрясенные, отложили прошлогодний номер «Бурды», затрепанный до того, что глянцево-намакияженные лица манекенщиц потеряли всякий мелкобуржуазный лоск.

Вылез, конечно, Скворцов, запальчиво нес что-то про порочный стиль руководства, про старые, изжившие себя подходы, про недозволенные методы зажима критики. «Мели, мели, Емеля, — катал желваками сидевший в президиуме Пичугин. — Толку от тебя чуть». Скворцов и вправду народ не всколыхнул, к нему привыкли, он всегда говорил одно и то же, а главное, все никак не могли прийти в себя после Пичугина. Помалкивали на всякий случай, не лезли вперед, знали, что слухи слухами, а пока Пичугин здесь, тихим да покладистым он всегда навар в виде премии подкинет, а начнешь вякать, так может оставить и без штанов.

Последнюю точку в прениях ставил Ривкин. Этого готовить было не надо, за него Пичугин был спокоен. Явно целя в Скворцова, Ривкин загудосил, что критику нельзя превращать в анархию, что руководство, оно тоже не все может, ведь сколько зависит от каждого из нас, а сколько мы недодаем, сколько недорабатываем и что опять же он недавно попросил Пантелева сделать лишнюю езду, а Пантелев ему в ответ такое отмочил, что он, Ривкин, не может воспроизвести это в полном виде. И обратно же, чтобы запастись у Егорыча взять, надо собрать десять подписей, и пока их в мыле все соберешь, Егорыча уже и след простыл, набегаешься его искать. А как некоторые не так давно выражали недовольство ликвидацией пивного ларька рядом с проходной, он, Ривкин, хорошо помнит, и было бы хорошо, если бы об этом помнили те, кто выражал недовольство. Ривкин еще долго нудел в таком духе, превысив в два раза регламент, и довел народ до полного изнеможения. Пичугину даже на миг почудилось, что, если Ривкин не кончит держать речь сию же секунду, завтра половина присутствующих подаст заявление об уходе по собственному желанию. «Полезный кадр», — подумал он о Ривкине уже не в первый раз. После Ривкина проверяющий из треста сразу успокоился и доложил вечером, что разговор на базе состоялся на редкость острый, самокритичный, принципиальный в основном благодаря правильной позиции руководства базой...

«Иван Иванович, Ривкин здесь», — пропел сиреной в селекторе голос Ирзены, прерывая воспоминания Пичугина.

Илья Ривкин, медлительный и очень толстый, с вечным сонным видом из-за набрякших век, нависавших над маленькими маслянистыми черными глазками, осторожно, чуть поспавывая, протискивался через дверь кабинета, стараясь как бы вовсе ее не открывать. На нем был светло-бежевый костюм, делавший его еще толще. Пиджак с трудом стягивался на животе единственной пуговицей, которая держалась непонятно как и, похоже, могла отскочить в любую минуту со скоростью, представлявшей определенный риск для окружающих. Брюки чуть не трещали по швам на огромных жирных ляжках. «Эк тебя разнесло», — не удержался от недовольной мысли Пичугин. Но за неказистой внешностью Ривкина скрывался верткий ум и никогда не падающая в цене способность безошибочно угадывать тайные помыслы начальства. На базу он попал года два назад после какой-то темной истории в облторге, подробностей которой так никто до конца и не выяснил. Над ним поначалу потешались из-

за нервного тика, делавшегося особенно заметным, когда он волновался,— у Ривкина подергивались сначала брови, а потом уши. Но когда Пичугин поставил его начальником колонны вместо Светловидова, многие насмешники заметили, что в зарплату почему-то стали получать меньше, и шутки над Ривкиным как-то сами собой прекратились. С месяц назад из его колонны на несколько дней исчезло три грузовика. Пичугин пришел в ярость — только этого ему не доставало ко всем прочим неприятностям,— орал на Ривкина так, что дрожали стекла, обещал засадить. Ривкин, поминутно вытирая пот с лысины и втягивая выпирающий живот, повторял в нос: «Разберемся, Ван Ваньч». Дней через пять он возник в кабинете Пичугина, торжественный и тихий, и вручил ему пятитомник модного теперь писателя. В одном из томов Пичугин обнаружил аккуратно сложенные четыреста рублей. Пичугин деньги вернул, хотя нужны они ему были позарез, и твердо понял, что с Ривкиным сработается.

«Здравствуй, Ривкин, садись,— проговорил он, ласково шевельнув белесыми бровями.— Ты что же это установки нарушаешь?»

«Какие установки, Ван Ваньч?» — Ривкин на секунду растерялся, не уловив подвоха в голосе начальника.

«Критиковать, невзирая на лица. Невзирая, понял?» — с нажимом произнес Пичугин.

«Одни критикуют, другие работают».— Ривкин на всякий случай вильнул в сторону, не совсем понимая, что от него хотят.

«Нет, ты давай настраивайся на новый лад. Сказано критиковать, значит, критикуй, и вся недолга. А то, гляди у меня, я тебя в зарплату рублем ударю, а жена тебе дома добавит, покажет, как надо перестраиваться. Есть у тебя жена-то, Ривкин?» — Пичугин чуть улыбнулся сухими тонкими губами. Он знал, что переигрывает, но ему хотелось поддержать собеседника в напряжении.

«Есть».— безразлично протянул Ривкин, чуть шевельнув ушами.

«Вот видишь, и жена есть. А жены-то, они, знаешь...» — Пичугин остановил себя, почувствовав, что окончательно уходит в сторону, и шумно прокашлялся, словно в горле у него першило.

«Слушай, тут вот какое дело,— продолжал он совсем другим тоном.— Надо нам, понимаешь ты, провести выборы завбазой, чтобы все было чин чинарем. Вперед будем смотреть, понял?» В голосе Пичугина зазвучал привычный металл.

За окном неожиданно проглянуло солнце, и в его лучах финский гарнитур в кабинете заиграл по-новому, значительно и в то же время умиротворяюще. Маслянистые черные глаза Ривкина остановились.

«Ван Ваньч, ну вы голова! Вот это ход, так ход! Да ваши недоброжелатели подавятся, а вас не проглотят. Да вас на трест надо ставить, не меньше!»

«Ну, будет тебе, будет».— улыбнулся явно польщенный Пичугин, пуская кольцами дым и подумав: «Не ошибся я в парне, на лету все ловит». А вслух продолжал, как командарм, диктующий диспозицию перед боем: «Займись этим сам. Собери человек пятьдесят, больше в нашу столовую не войдет, назовем их представителями коллектива. Отберешь их лично. Посмотри, кто квартиру только что получил, кто на очереди рядом, кто путевку ждет, кто горлопанам не поддакивает. Чтобы все пришли, скажешь каждому, что торт «Птичье молоко» давать будут, я Володю предупрежу, он обеспечит. Приходить, мол, в субботу к одиннадцати с деньгами. Намекни, что будет еще один оргвопрос, минут на двадцать».

Ривкин завороченно следил за полетом мысли начальника. Вдруг по его лицу пробежала тень озабоченности.

«А Скворцов?» — напомнил он.

«Скворцова я,— лежавший на столе кулак Пичугина сжался так, что побелели ногти,— в командировку отправлю. А вообще-то его пора на повышение, за границу, пусть готовит кадры развивающихся стран. Это им надо сбрасывать пути неокOLONиализма, а он большой мастак советовать по этой части».

«Правильно, Ван Ваньч,— гоготнул Ривкин в нос.— Демагог Скворцов отпелый».

«Давай действуй, не теряй времени».— отрубил Пичугин, давая понять, что разговор окончен.

...Через неделю с небольшим, в субботу, в назначенное время собрались отобранные Ривкиным представители коллектива, толпились в раздевалке столовой, расплачивались за «Птичье молоко», почему-то стесняясь глядеть друг другу в глаза. Бухгалтеру Сухачеву, начавшему шуметь, пришлось напомнить, что на руки дают один торт. Отоварившиеся проходили в столовую, где соорудили некое подобие президиума, в котором уже восседал кто-то из треста и даже из районного начальства. Кандидатура Пичугина была единственной, которую предложил председательствующий Ривкин. «Может, есть другие кандидатуры? Отводы? Самоотводы?» — тщечно взывал он в зал. Собравшиеся молчали, поглядывали на часы, опасаясь, как бы не начало таять лежавшее у многих на коленях «Птичье молоко».

Пичугин был избран единогласно.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

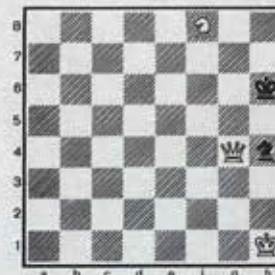
Экономия материала — основной критерий экономичности формы шахматной задачи. Экономичность материала распространяется на начальную и заключительную позиции задачи. В экономичной начальной позиции задачи все фигуры принимают участие в решении либо в создании идейных вариантов, либо в устранении тех или иных дефектов (побочных решений, дуалей и т.п.). Именно художественным требованием экономичности начальной позиции обусловлен отказ от естественного для практической игры принципа материального равенства сторон. Следует подчеркнуть, что экономия материала не может быть оценена арифметически. Число занятых в задаче фигур зависит от сложности замысла и широты его воплощения.

Восьмой тур

Белые: Кра5, Фс4, Лс8, Чh6, п. с6 (5)
Черные: Кре5, п. е7 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

Белые: Крh1, Фg4, Кf8 (3)
Черные: Крh6, Кh4 (2)
Мат в 4 хода (3 балла)

III

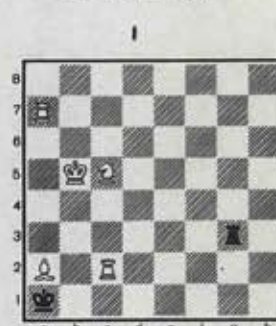
Белые: Крb5, Сf5, Кd5, Кg3, п. с4 (5)
Черные: Крд4, п. d6 (2)
Мат в 5 ходов (4 балла)

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ШАХМАТ ПУБЛИКУЕМ ПРОПУЩЕННЫЕ ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТЫЙ ТУРЫ.

Экономичность финальной (матовой) позиции задачи подразумевает участие в ней всех оставшихся на доске в результате проведенной игры белых фигур. Степень выполнения этого требования является одним из важнейших критериев технического совершенства композиции. С экономичностью финальной позиции связано понятие **правильного мата**, обязательными условиями которого приняты экономичность и чистота мата. **Экономичность мата** означает, что все белые фигуры, за исключением короля и пешек (ввиду их ограниченной подвижности), должны участвовать в создании матовой позиции — либо отнимая поля у черного короля, либо связывая препятствующие мату черные фигуры. **Чистота мата** означает, что каждое поле возле черного короля недоступно ему по единственной причине — либо атаковано одной белой фигурой, либо занято черной.

Правильные маты являются первостепенным элементом задач чешской школы.

Девятый тур

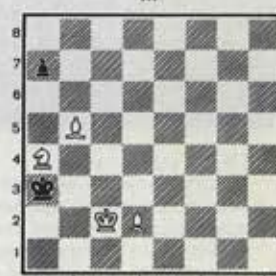
Белые: Крb5, Ла7, Лс2, Са2, Кс5 (5)
Черные: Кра1, Лg3 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Кра3, Лb8, Ле2, Кf4, п. b7 (5)
Черные: Крд1, Сf6 (2)
Мат в 4 хода (3 балла)

III

Белые: Крc2, Сb5, Cd2, Ка4 (4)
Черные: Кра3, п. a7 (2)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания 8-го и 9-го туров присылайте на отдельных открытках (без конвертов) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 8-й (9-й) тур».

Последний срок отправления писем (по почтовому штемпелю) — 15 ноября.

Алексей
НИКОЛАЕВ
ФОТО
Евгения
СТЕЦКО

И ПОМНЯТ СВОЕ РОДСТВО

В Пензе растут ели. Капризные, привередливые создания, предпочитающие избегать многолюдных городских скоплений, чувствуют себя здесь превосходно: в скверах царит свежий хвойный сумрак, ухоженные зеленые пирамидки тянутся вдоль улиц над асфальтовыми тротуарами, не тяготясь таким соседством и придавая городу особый, совсем не оранжерейный — природный колорит. Чувствуешь, что поселились и прижились они в Пензе не по принуждению, а по любви человека к ним. Говорю же это не ради лирического зачина — отсюда прямая тропинка к разговору, который тоже будет, в сущности, о любви.

История не дала пензенской земле

того, чем щедро одарила она Новгород, Владимир, северные наши русские края, — первоклассных памятников культуры. В самом деле, что знали мы до недавнего времени о таких памятниках да и вообще о культурной жизни на пензенской земле, кроме освященных великим именем, но не столь уж обильно посещавшихся Тархан, медленно становящегося на ноги музея Белинского или полузапущенного, потому как руки не доходили, музея в Радищеве? Ну была еще картинная галерея, ютившаяся под одной крышей с художественным училищем, да жил тишайшей жизнью областной краеведческий музей с неперменным скелетом мамонта и заржавленным копьем предка. Вот, пожалуй, почти и все, чем недавно еще держала культурный свой фронт Пенза. А ведь и теперь лежит она в стороне от

традиционных туристических дорог, отмеченных обилием именитых музеев, но слово «музей» стало сегодня в областном лексиконе одним из самых популярных, и произносят его так, как слово «море» в портовых городах.

Что же произошло за несколько последних лет на земле, которую по ведомству Министерства культуры именовали непрестижным «периферия»? Почему в центральной печати появился однажды и все чаще звучит новый термин «музейный ренессанс» применительно не к другим городам и весям просторного нашего Отечества, а именно к Пензе?

Начало этому феномену искать нужно в самой идее, выразить которую правильно будет всего лишь двумя, но весомыми и емкими в своем сочетании словами — воспитание историй.

Скажу сразу: идея не была безымянной. Принадлежит она человеку, который занимает теперь другой пост в столице, но его имя произносят как пароль всякий раз, когда речь заходит о пензенском музейном феномене. Говорю о бывшем тогда секретаре Пензенского обкома партии Георге Васильевиче Мясникове. Он начал и дал делу ход. Да, этот человек обладает особым пониманием проблем культуры, но, думаю, дело не только в этом. Сегодня многое прояснилось, и мы можем сказать, что главное достоинство руководителя состоит в умении предчувствовать требования времени. В «застойные», как мы говорим теперь, годы, когда слово «перестройка» не коснулось еще газетных полос, Г. В. Мясников был и, несмотря на все трудности времени, оставался руководителем но-

По вечерам в театральной гостиной мемориального дома В. Э. Мейерхольда собираются любители искусства.

С лермонтовских времен стоит в Тарханах благоговейная тишина.

Бережно хранят пензенцы предметы старинного крестьянского быта.

Экспонаты для школьного музея.

Стоит и в истоках Хопра своей «памятный камень».

В Музее одной картины.

вого типа: в работе он опирался на инициативу снизу, доверяя тем, от кого она исходила, причем независимо от званий и рангов. В кабинет секретаря обкома рядовой сотрудник музея входил так же просто, как и его директор. В этом кабинете не нужно было «выбивать» средства, стройматериалы, не говоря уж об идеях, — руководитель и его подчиненные делали одно дело. Дело же было задумано новое, серьезное, потому что в конечном счете речь шла о перестройке в культурной политике, хотя слово это еще не обрело в те времена государственного, общественного значения. Начинать же пришлось почти на пустом месте.

Рассуждали так: пусть не много на нашей земле исторических и культурных памятников, но есть историческая и культурная память. Появился

девиз, ставший началом беспримерной пока работы: каждому славному событию, происходившему на пензенской земле, каждому человеку, рожденному, жившему или добрым своими делами связанному с пензенским краем, должен быть поставлен свой «памятный камень» — музей или часть его экспозиции, монумент или обелиск.

Надо признаться, за долгие годы привыкли мы к разного рода кампаниям, начинавшимся, как правило, с громких лозунгов и решительных газетных призывов типа «Превратим наш край...», «Поднимем на должную высоту...». Дело же, задуманное здесь, началось вопреки «правилу» — с будничной и кропотливой краеведческой работы. Заговорили вдруг и поразительные открытия дали областные и столичные архивы; молчавшие долгие годы запас-

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Григорий
Касперович:„АРМИЯ
ДЕЛАЕТ ВЗРОСЛА

Расстались мы тогда с бабушкой у ворот училища, закрылись они — и я словно в другом мире оказался. И хоть готовился к такой перемене, трудно было сразу в незнакомой обстановке не ступешаться. Повели нас вначале на врачебную комиссию. Осмотрелся вокруг и вижу, что я здесь не самый хилый, подуспокоился слегка. Доктор каждого долго и придирчиво осматривал, голос у него из-за двери довольно суровым казался, и я вновь тревожиться начал — а ну как не возьмут в суворовцы и придется нам с бабушкой домой в Ригу возвращаться. А у них форма такая красивая...

Назвали мою фамилию, протиснулся я в дверь бочком, взглядом с врачом встретился и понял, что чем-то ему сразу приглянулся. Заканчивая осмотр, он громко, чтоб все расслышали, сказал: «Ну, этот точно будет генералом». И я ему тогда безоговорочно поверил — он же знал, что говорит. Всерьез поверил, по-взрослому. Сразу и навсегда. Оглянусь порой назад — получается, что тридцать лет пытаюсь я доказать человеку, чье имя даже узнать не догадался, что он во мне не ошибся.

Генералом Григорий Касперович стал в 39 лет. Сам он, впрочем, жестких сроков в получении именно этого звания себе не устанавливал. Просто однажды сделал в жизни выбор и пошел к намеченной цели, еще не зная, что сама жизнь не раз заставит его вновь и вновь оказываться на распутье.

— Армия к самостоятельности причащает, к ответственности за самые, казалось бы, незначительные поступки. И взрослание там раннее. Первый мой, детский еще выбор, может, и не вполне осознанным оказался, но сделал его за меня некому было — я ведь без родителей рос. Попросил бабушку в училище меня отвезти — она отговаривать не стала. Приехал, увидел и понял — мое. Все мое — и дисциплина, жесткая порой, и порядок, а главное — порядочность. Мы все в тумбочках держали — и письма личные, и деньги, и часы, у кого они были. И чтобы кто-то взял чужое... Если бы сегодня у меня спросили, с кем я хочу пойти в разведку, я бы назвал весь наш выпуск 1963 года.

В том же 1963-м предстояло выбирать — что дальше? Военное училище? Но командир — призвание, не профессия. И попробуй в 18 лет определить, твое ли оно. Поехал, к примеру, Касперович в Ростов, в артиллерийское училище поступать — хотелось еще и специальность приобрести, которая не только в армии могла бы пригодиться. Подал документы, начал вживаться в обстановку и вдруг увидел — не то. Может, потому, что суворовцев с ним поступало не много?

Вернулся в Орджоникидзе, там говорят: раз сам выбрать не смог, жди, что

ЫМИ

мы тебе предложим. Две недели от отпуска у Каспаровича еще оставались, и он укатил в Москву. В столице все окончательно решила встреча с однокашниками: в Общевоинском училище имени Верховного Совета РСФСР нашлось немало орджоникидзевских суворовцев прошлых лет выпуска. Им там нравилось, а этим ребятам верить было можно. И еще в том училище отличные были условия для занятий спортом.

— Из нас, суворовцев, кое-кто любит делать «детей без детства» — якобы мы в раннем возрасте каких-то радостей недополучили. Когда все дети во дворах в песочнице играли, мы по пляцу, как стойкие опованные солдатики, вышагивали. Да заглянули бы эти непрошенные сочувственники к нам за забор. На спортгородок, к примеру. Что там на всевозможных снарядах творилось! А с мячом мы, по-моему, вообще сутками возиться готовы были — когда от футбольных баталий круги перед глазами идти начинали, переходили на волейбол, гандбол сменялся у нас баскетболом. Игра игрой, но уже тогда я понял, сколь много значит физподготовка в армейской жизни. И как важен здесь личный пример командира.

Везде, куда бы ни забрасывала потом Григория щедрая на перемены мест армейская судьба, руководимые им подразделения сослуживцы очень скоро начинали именовать спортивными. Свой первый взвод лейтенант Касперович принимал в Заполярье, будучи всего-то на 4—5 лет постарше тех нашедших ребят, которые подчеркнуто стояли перед ним навытяжку. — А ну-ка, что ты умеешь? — говорил озорной огонек в глазах каждого в этом строю. И личный пример, на который будущий генерал делал такую большую ставку, не выдержал первого же испытания. Выяснилось, что Касперович был не слишком искусственным лыжником-гонщиком.

То встать с горки он, конечно, скатывался и даже не всегда при этом падал, но вот на равнине угнаться за своим заполярным взводом на первых порах никак не мог. Но и допустить, чтобы в спорте кто-то его на вираже обошел, тоже не мог. И хоть полярная ночь не лучшее, наверное, время для отработки лыжной техники, другого времени у Касперовича не было. Днем все шло своим чередом — учебные занятия, уставы, строевая. Здесь лейтенант был на высоте. А ночью с яростью штурмовал сопки. И когда в один прекрасный день Касперович вдруг «покатил», взвод окончательно признал молодого командира.

Признал и потянулся за ним. Пройдет несколько лет, и уже рота, возглавляемая Касперовичем, дважды подряд возьмет первый приз ЦК ВЛКСМ на заочных Всесоюзных соревнованиях лыжников-воинов. Ради той, первой своей роты командиру пришлось пойти на жертвы — он ведь, отдавая приказание взводу, еще успевал — непонятно только, когда — играть в гандбол за СКА Ленинградского военного округа.

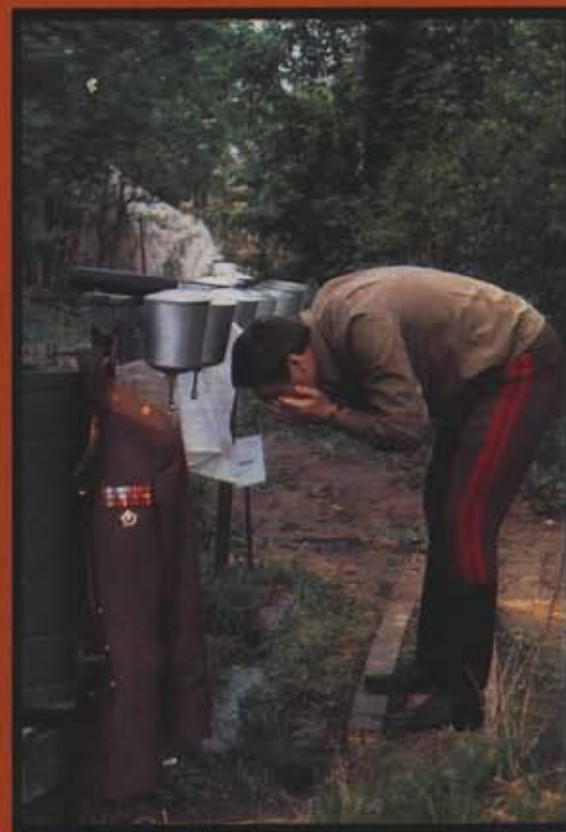

Армейская дисциплина одна для всех.

Командный пункт — рабочее место генерала.

Утро в полевых условиях.

Учения на пересеченной местности.

ЮРИЙ ФАТНЕВ

■ Я устал. Я давно бы причалил...
Но, стараясь писать покрупней,
Начертал кто-то здесь без печали
Для меня: «Не бросать якорей».

Эти буквы на сером граните
Дождь не смоеет. Нева не сотрет.
Так что вы меня в гости не ждите.
Дальше плыть мне по милости вод.

Дальше плыть. Вы решили разумно:
Не бывает чудес наяву.
Мимо радости вашей и шума
Я в безмолвье,

в безлюдье плыву.

Оказалось знакомство короче.
Не нашел среди вас я родни.
Но припомнятся белые ночи,
Если встретятся черные дни.

Будет весело мне или худо,
Может, встретится берег доброй,
Я нигде никогда не забуду
Этих слов: «Не бросать якорей!»

Березы в Трептов-парке

Стоят березы в Трептов-парке
У всей чужбины на виду.
И так бестрепетны во мраке,
Как будто слышат темноту.

Не под конвоем, как их сестры,—
Явились сами в край чужой.
Залита русская береста
Германской горькою росой.

Бесшумны, словноobeliski.
Но вспыхнут жарко на заре,
Как будто кровь солдат российских
Прихлынет вдруг к сырой коре.

И задрожат они нежданно
От человеческих давних слез.
Воскреснет столько безымянных
В давичьей памяти берез!

Мальчишки пили сок в апреле,
Ловили аляжных листьев взмах.
Качались, словно на качелях,
На их пружинящих ветвях.

Мальчишки Брянска и Смоленска
Дошли до вражеских твердынь.
На ощупь в сумраке апрельском
Березы ищут глаз их синь...

Сидят так неугасимо
За алах, укрытых вечной тьмой.
Пришли березы из России,
Да не дойдутся домой...

Обитаемые острова

В этой жизни порой обретаем мы,
На клоня в ней другого родства,
Обитаемые, обитаемые,
Обитаемые острова.

Даже сфинксы из Фив здесь прописаны.
Не клоня своей львиной главы,
Смотрят краешком глаза без вызова,
Как волнуется нива Невы.

Даже утки находят пристанище
В Ленинграде на зимний сезон.
Вон дрейфует на льдине нетающей
Дикий селезень, как Робинзон.

Пусть охотники смотрят завистливо,
Пыл убийства не вспыхнет ни в ком.
Огражден многолюдьем от выстрела
Дикий селезень в граде таком.

Отгнездились на Брянщине лебеди...
По озерам окурки плывут.
Лишь в березовом ласковом лепете
Лебединые клики поют.

Ну, а здесь, улетевшим, просторно им.
Светят лебеди в Летнем саду.
И встречаются здесь даже черные.
Не линчуют их за черноту.

Дикий селезень... Может, с Полесья.
Ну, а лебедь тот, может, с Десны...
Словно птицам, находится место
Людам, хоть и различны они.

Не Отчизну свою покидаем мы!
Обретаем, как право родства,
Обитаемые, обитаемые,
Обитаемые острова!

■ Что-то нежное, что-то зыбкое.
Грустной радостью я осиян.
Ели смутные Новозыбкова
Колыбелятся сквозь туман.

Столько в них первобытной дремучести,
Что поверить сегодня готов:
В хвойной лапе людские все участи
И охпки неведомых снов.

Спать бы мне в хвойной зыбке
без просыпу,
Знать, что теплым туманом одет.
И впивать вместе с чистыми росами
Только лунный да солнечный свет.

Но уже городок — вот он — выбежал,
Ставни крашенные распахнул,
Словно бабочка свои крылышки,
Осенняя пчелиный гул.

Подоконники, вспыхнув геранями,
В полдень пьют золотую теплынь.
И на лавочки деревянные
Тихо стелются тени рябин.

Посидеть бы здесь, призадуматься,
Что-то вспомнить, а что-то забыть.
Но очнусь — никакая не улица.
Это плещет Нева о гранит.

Смотрят сфинксы, облитые бликами,
И в глазах отрешенных у них
Что-то нежное, что-то зыбкое.
И подхатыкает к сырцу Нева.

БОРИС СОКОЛОВ

■ До гармонии нам далеко,
но не только поэтому все же
жить по совести так нелегко,
коль без совести
жить ты не можешь.
Это сколько же надо веков,
чтобы души прозрачнее стали,
чтоб,
забыв о презренном металле,
люди больше читали стихов?
Если б только страдали стихи...
Есть куда покрупнее грехи.

■ Не верю я в вечные праздники
даже тогда,
когда нас заменит
сверхумный,
сверхточный,
сверхпреданный робот.
Нет счастья без горя.
И только тисками труда
мы вытянуть сможем
из жизни
свой жизненный опыт.
Сам дверь отвори
и навстречу судьбе выходи,
сам выстрадай дело свое
и мечты исполненье.
Так было.
Так будет.
Никто за тебя впереди
твое на планете
не выполнит
предназначенье.
Ты к холоду тело,
а сердце
к невзгодам готовь.
И помни, что мы
на суровой земле проживаем.
В конце концов
в мире
одно неизменно —
любовь
да ясные звезды
над отчим
продымленным краем.

■ Входишь в лес,
воздух вольный и сытный...
И, ступая легко по тропе,
ты и думать забыл, что тебе
за деревьями леса не видно.
А поднимешься на самолете
в ту, заоблачную высоту
и нечаянно на развороте
вниз посмотришь
на всю красоту,—
ты с испугом, пожалуй что,
древним
вздогнаешь вдруг
над земной тишиной:
внизу лес,
но видишь деревья,
и слышишь топот их по земле.

Песня

Нынче травы высоки,
против прошлых — втрое!
Я смотрю из-под руки
вдаль по-над рекою.
Солнце село за стожок,
и стожок дымится.
А пойду я в луг-лужок,
чтоб росой умыться!
По-над лугом тишина
необыкновенная.
У меня Земля одна
и одна Вселенная.

Нынче звезды высоки,
против прошлых — втрое!
И легки мои шаги
в царство луговое.
Наклонюсь,
цветок сорву,
незнакомый сроду.
И в вечернюю траву
я уйду,
как в воду.
Надо мной взойдет луна
необыкновенная.
У меня Земля одна
и одна Вселенная!

■ Разогревался день с трудом,
к полудню потеплело.
И только речка подо льдом
чуть слышно шелестела,
себя по камушкам струя,
мороза не смущалась...
Я шел по льду,
а тень моя
по дну перемещалась.
Под каблуком,
коснувшись льда,
вдруг стайки рыб сверкали,
и неожиданно вода
взрывалась пузырьками.
Вольней
хотелось ей вздохнуть —
о лед напрасно билась.
Спешила не куда-нибудь,
а к Волге торопилась.
Пускай погода холодна,
под коркой ледяною
упрямо дышит глубина,
чтоб сбросить лед весною.

■ Чем больше лет и зим
живем на этом свете,
тем чаще говорим
о будущем столетии.
Другим, конечно, там
работать и влюбляться,
но хочется и нам
с тем неким повстраться.
Остаток хоть на час,
хоть в слякочном словесном
плотном среди авось
распространить поном.

Рисунок
Елены Флеровой

Юрий НАГИБИН

ВДАМ МУЗЫКА И ОГНИ

Выдающийся (а может, великий?) русский скульптор Анна Семеновна Голубкина умерла в 1926 году. Она была современницей людей, ныне неторопливо доживающих свой век, в том числе автора этих строк. Я мог бы помнить ее, как помню бритую голову и печальный взгляд Маяковского акулловских дней, а это было через год после смерти Голубкиной, как помню ослепительный пробор театрального художника Жоржа Якулова, частого гостя нашего дома в мою дошкольную пору. А вместе с тем о ней известно на удивление мало, словно она жила не в нашу эпоху, а во мгле русского средневековья. Будем точны, мы знаем вехи ее жизни, знаем бесчисленное множество мелочей, до нее касаемых, и хорошо, что знаем, — все это важно, но, к сожалению, мы не знаем обстоятельств перво-степенных, судьбоносных — есть такое выпященное и противное выражение, а другое не идет мне в голову. Было бы естественно знать их, но какой-то странный заговор молчания окружает одинокую, неприкаянную фигуру Анны Семеновны.

Анна Семеновна Голубкина увидела свет 16 января — по старому стилю — 1864 года в уездном городе Зарайске Рязанской губернии, ныне отошедшем к Московской.

Когда Василий Розанов, умный, талантливый и ядовитый писатель порубежья веков — нынешнего и минувшего, увидел скульптуры Анны Голубкиной, он сказал: если в Зарайске такие огородницы, то какого же ума дол-

Вот уже второй год я читаю лекции школьным преподавателям, ведущим урок «Этика и психология семейной жизни». В основном это женщины, молодые матери, и, естественно, их интересует не только круг вопросов, очерченный школьной программой, но и те проблемы полового воспитания, которые в нее не вошли. Таких проблем очень много, но ни один учебник ответа на них не дает. Поэтому учительницы на своих уроках часто еще сами попадают в тупик, не зная, как отреагировать на «весьма щекотливые» и «провокационные» вопросы старшеклассников. Вот некоторые из них.

«Моя младшая сестренка стала недавно девушкой. Изменения в организме ее очень тревожат. Конечно, мы с мамой ее успокаиваем, стараемся что-то объяснить, но у нас это плохо получается. Надо готовить девочек и мальчиков к периоду полового созревания. Кто этим должен заниматься — родители или школа?»

«Когда можно мальчику разрешить себя поцеловать?»

Десятиклассники уже начинают (и не всегда анонимно) спрашивать:

«Вот уже месяц я живу с одним мальчиком. Когда мама узнала об этом, то устроила мне истерику. Я не понимаю, почему она свои отношения с дядей Мишей называет «любовью», а наши с Димкой — «грязью»?»

Еще в конце XIX века известный немецкий социалист А. Бебель в книге «Женщина и социализм» писал: «Девять десятых девушек, выходящих замуж, ничего не знают о материнстве и о своих обязанностях в браке. Непозволительная боязнь даже матерей говорить со взрослыми дочерьми о столь важных половых функциях оставляет девушек в полном неведении относительно их обязанностей по отношению к себе и будущим мужьям. Вступая в брак, женщина обыкновенно попадает в совершенно ей чуждую область, у нее о браке имеется лишь фантастическая картина, большей частью заимствованная из плохих романов и очень мало соответствующая действительности».

Как бы парадоксально ни звучало, но и сегодня специалисты подчеркивают, по сути, аналогичное положение дел. Так, советский сексолог Н. В. Иванов пишет: «Девушка, усвоив неправильный, внушенный матерью взгляд на физиологию половой жизни как на нечто грязящее моральный облик человека, полюбив мужчину, всячески избегает начала сближения и тяжело переживает его. Она «дает согласие на совместную жизнь, чтобы делить вместе радость и горе», и, столкнувшись с физиологической стороной, оказывает жесточайшее сопротивление, воспринимаемая все как нечто «ужасно постыдное». В чем же дело? Здесь можно высказать два предположения: либо дети и подростки вопреки широко распространенному мнению не интересуются вопросами пола, либо все объясняется низким уровнем общей культуры воспитателей. Попробуем прояснить истинное положение вещей.

В одной из средних школ г. Тарту для уточнения источников сексуальной информации было опрошено 105 человек (60 девушек и 45 юношей) выпускного класса. Обнаружилось, что интерес к вопросам пола пробуждается у детей с шестилетнего возраста и волнует школьников всех возрастов.

Однако так как информация носит случайный и поверхностный характер, то значительная часть юношей и особенно девушек и в более поздний период имеет весьма смутное представление об анатомических, физиологических аспектах половой жизни.

Сергей ГОЛОД,
доктор философских наук

Кто же конкретно разъясняет детям смысл половых взаимоотношений? По данным эстонских коллег, около трети родителей просвещает девочек и всего около 10 процентов — мальчиков. На долю учителей здесь приходится соответственно 10 и 2 процента. Уроки, посвященные вопросам этики и психологии семейной жизни, серьезной информации об интимной жизни юношества не дают. Поэтому чаще всего подростки пытаются найти ответы на волнующие их вопросы у старших товарищей и «опытных» подружек. В основном эта информация носит пикантный и пошловатый характер, ничего не разъясняет, а только еще больше волнует и возбуждает юношей и девушек. Добавлю: девушек в меньшей степени, ими больше движет любопытство, чем желание физической близости. И они чаще всего вступают в половые отношения или из-за того же любопытства, или потому, что не хотят «отставать от подруг».

Как правило, половым просвещением в семье занимается мать. Но к чему обычно сводятся эти «уроки»? «Держись подальше от парней, упаси бог тебя остаться с кем-то из них наедине». Они начинают пугать девушек ранней беременностью или «нехорошими болезнями». Только немногие родители способны мудро и тонко объяснить своим детям их состояние и переживания, психофизиологические особенности полового поведения. Это чаще всего связано с образовательным уровнем родителей: чем он выше, тем с большим пониманием они относятся к возрастным проблемам, волнующим дочерей и сыновей. Проявляют больше гибкости и внимания. Им и подростки доверяют больше, особенно девушки. Они никогда не избегают «щекотливых» вопросов, но умеют дать понять, что половая близость возможна только при настоящей любви и только тогда она станет переживанием, обогащающим человека.

О, как многим матерям и отцам не хватает внутренней культуры, такта, чтобы своевременно приоткрыть своим детям завесу над «запретной темой»!

Например, мой сосед, отпуская 16-летнюю дочь на вечернюю прогулку, постоянно ей напоминает: «Если что

случится — из дома выгону, так и знай!»

Такие люди почему-то считают, что подросткам «ЭТО знать не положено». И все-таки к 12—14 годам большинство подростков имеют уже какие-то знания по вопросам физиологии половой жизни. Но нравственно-эмоциональные проблемы, с ней связанные, по-прежнему остаются для них за семью печатями. Об этом свидетельствуют письма, поступающие в редакции газет и журналов, в том числе и в «Смену». Вот что пишет, например, ленинградская шестиклассница Марина Н.: «Недавно я разрешила себя поцеловать мальчику, который мне очень давно нравится. А теперь он всем приятелям говорит: «Вон моя Маринка идет». Какое он имеет на это право? Мне очень обидно и стыдно. Я не хочу с ним больше встречаться».

Это наивное письмо говорит о том, что в период полового созревания подростки волнуют не вопросы анатомии и физиологии половой жизни, а интересы нравственно-сексуального характера. С наступлением половой зрелости они возрастают и обостряются.

«Я знаю, что две девушки в нашем классе имеют «взрослые» отношения. По-моему, это позор. Но они сами так не считают, — рассказывает в своем письме 16-летняя школьница из Киева. — Одна говорит: «Я его люблю». Разве любовь в ЭТОМ заключается? Мне нравился парень — он на два года меня старше, — но, когда он захотел меня «сделать своей», — я с ним поругалась насмерть. Теперь мне даже видеть его противно. Почему у многих ребят только ЭТО на уме? Им ведь плевать, что ты чувствуешь, что у тебя на душе...»

А вот что пишет другая ее ровесница:

«Сначала я думала, что взрослая любовь — это самое большое наслаждение в жизни. А теперь очень разочаровалась. Я продолжаю встречаться с парнем и отдаваться ему, хотя сама ничего приятного в такой любви не чувствую, но мне просто жалко его оттолкнуть. Этот парень мне очень нравится. После каждой встречи на душе очень противно. А отказать ему боюсь — он

говорит, что без меня не может жить. Посоветуйте, что мне делать».

Вопросы, вопросы... Иногда и специалистам на них трудно ответить. Даже не с научной точки зрения, а из иных соображений: скажу, что думаю, и меня сразу начнут обвинять в «проповеди аморального поведения, буржуазной морали». Да, случалось и такое. В чем только в свое время не обвиняли меня и моих коллег, которые еще двадцать лет назад ставили вопрос о необходимости системного полового просвещения и воспитания подростков.

Демагоги от педагогики тут же спустили на нас собак: дескать, «не развращайте молодежь», «западные штучки у нас не пройдут». А я продолжаю утверждать, что проблемы полового воспитания — это проблемы общечеловеческие. Они так же заботят и волнуют советских родителей и детей, как и людей других стран. Нам есть чему поучиться не только у коллег из Венгрии и ГДР, но и у западных специалистов, добившихся немалых успехов в половом просвещении подростков и молодежи. Они вовремя поняли, что прежде всего надо заниматься воспитанием воспитателей. Здесь положительным для нас примером может служить известный шведский эксперимент. Расскажу о нем подробнее.

В официальном пособии «Учебник по сексуальному воспитанию в школе», подготовленному Шведским национальным бюро по образованию, изложены основные принципы и методы обязательного сексуального просвещения, которыми должны руководствоваться родители, учителя и другие школьные работники. В нем, в частности, подчеркивается важность гибкого и адаптируемого преподавания с учетом местных традиций, условий жизни, конкретной аудитории.

Рекомендуется такая последовательность изложения материала:

— Учащимся от 7 до 10 лет — половое различие, внутриутробное развитие и процесс рождения ребенка, зависимость его от родителей. Просвещение начинается с этих сюжетов не случайно. Мы уже отмечали, что мальчики и девочки в настоящее время начинают интересоваться анатомией и физиологией пола с 6—7 лет. Зная об этом, воспитатели отказываются от шаблонных, метафорических объяснений («Нашли в капусте», «Принес аист») и предупреждают тем самым обострение интереса правдивой информацией, изложенной в доступной детям форме.

— Учащимся от 11 до 13 лет — половое различие; структура и функции половых органов; созревание и менструация; ночные поллюции и мастурбация; зачатие и развитие плода; беременность и роды; определение пола и близнецы. Второй возрастной период — возраст полового созревания. На этом этапе, как известно всем воспитателям, подростки отличаются особой впечатлительностью и импульсивностью, так как на первый план выдвигаются до тех пор существовавшие лишь в зародыше аффекты и влечения. Именно поэтому очень важно подготовить девочку, скажем, к началу менструационного цикла, а мальчика к реальности мастурбации. И тогда менструация, например, из неожиданного превратится в ожидаемое и, вместо того чтобы вызвать страх, явится предметом скрытой гордости девочки, осознающей, что она становится взрослой, более того, девушка сама формирование нового мироощущения воспринимает как естественный процесс. Это время осознания подростком своей принадлежности к определенному полу.

— Учащимся от 14 до 16 лет — обзор по всем перечисленным выше темам, а также: проблема пола и молодежь — моральный аспект; воздержание в юношеские годы; незаконнорожденные дети, спонтанный и искус-

ственный аборт; венерические заболевания; контрацептивы и стерилизация; климактерический период; менопауза и сексуальные пerversии. Для промежуток от 14 до 16 лет характерна наиболее острая «борьба» социального и биологического в человеке. С одной стороны, ослабевает авторитет родителей и других взрослых, с другой — процесс физиологического созревания активизируется, хотя организм подростка к этому времени еще далеко не готов к глубоким эмоциональным переживаниям. Отсюда и важность воспитательного акцента на моральных проблемах, на выработке разумных правил поведения. Но так как эксцессы все-таки совершенно не могут быть исключены, то не забывается и о действительности профилактических мер. (Отметим, что именно в подростковом возрасте получают распространение «эротические игры» — ласки, поцелуи...)

—Учащимся 17—20 лет — обзор по всем перечисленным выше темам, а также менструация и гормоны; оптимальный режим в период беременности; ограничения, навыки по уходу за новорожденным, за детьми и подростками; импотенция и бесплодие; половое воспитание дома; мероприятия по обеспечению здоровой семьи; моральный и социальный аспект проблем пола. Последний этап обучения подготавливает юношей и девушек к взрослой жизни.

Сексуальное просвещение проводится не отдельным курсом, а включается в изложение материала основных школьных предметов. То, что оно не отрывается от всей системы обучения, имеет, как мне представляется, глубокий смысл. Скажем, на уроках биологического цикла можно излагать материал, касающийся анатомических и физиологических сторон половых взаимоотношений, а на уроках литературы формируется культура чувств и общения; социальные предметы — лучшее место для показа необходимости равенства полов при одновременном подчеркивании их глубинной психоэмоциональной и культурной специфики. Кроме учебников, бесед и дискуссий, используются различные специальные пособия и средства массовой информации — кино, телевидение, популярные книги. Как правило, на первых годах обучения преподавание возложено на классного руководителя, в дальнейшем привлекаются учителя соответствующих дисциплин. Наибольшее внимание сексуальному просвещению уделяется на девятом году обучения.

К недостаткам сексуального воспитания шведские ученые относят неудовлетворительную подготовку школ и учителей, помимо того, учитывая практику своей страны, указывают на запаздывание в преподавании некоторых вопросов. Например, о контрацептивах (противозачаточных средствах) рассказывается только на девятом году обучения, тогда как часть учащихся начинают половую жизнь еще в седьмом-восьмом классе.

Мне же хочется здесь отметить и другие, более важные просчеты шведских ученых. В их программе отсутствует мысль о тесной связи сексуальной жизни и любви духовной, что, естественно, очень обедняет личность. И потом они очень мало внимания уделяют моральным нормам полового поведения молодежи. А это как раз больше всего волнует юношей и девушек, их родителей. Конечно, нельзя слепо принимать чужой опыт, но, критически его осмыслив и учитывая специфику нашей культуры, он вполне может послужить основой для разработки единой программы сексуального просвещения и нравственно-эмоционального воспитания подростков и молодежи, подготовки их к семейной жизни.

Конечно, никакая методика не может дать положительного результата в сексуальном просвещении, если по-прежнему ученые, педагоги и родители не будут совместно участвовать в этом чрезвычайно важном деле. Хватит нам быть ханжами и «моралистами». Слишком дорого это стоит обществу.

Я предвижу, что молодой человек или девушка, читая мои беседы, разочарованно вздохнет: мол, и этот доктор философии старается уйти от ответа на «закрытые» вопросы. Дескать, осторожничает, боится... А дело совсем не в этом. Просто я избегаю давать какие-то советы и консультации «общего плана», не зная конкретных людей и их взаимоотношений. Например, очень часто спрашивают: «Когда следует начинать половую жизнь? Как относиться к добрачным сексуальным связям?»

Я социолог, и меня прежде всего интересует сложившееся общественное мнение в вопросах половой морали. А оно очень противоречиво и неоднозначно. Ведь мы чаще всего исходим не из данности, а из благих пожеланий и общепринятых норм поведения. Например, я, как отец, человек старшего поколения, могу быть яростным противником добрачных, а тем более ранних сексуальных отношений. А как ученый, я не имею права самообольщаться и обязан основываться на реальном положении вещей. Оно таково, что, сколько бы мы ни говорили, сколько бы ни лорилили ранние или добрачные связи, определенная часть молодых людей, несмотря на наши советы и запреты, все равно будет вступать в половые взаимоотношения. Так было, так есть и так будет. Это жизнь, личная жизнь, над которой никто не властен. Другой вопрос, как воспитать и подготовить молодого человека, парня и девушку, к этой жизни, выработать у них высокие нравственные требования к себе и к своему гипотетическому возлюбленному, своей любимой. Я хочу сразу оговориться: по моему мнению, отнюдь не бесспорному, сексуальные отношения должны строиться только на основе любви или глубокой симпатии, духовной общности. Однако вполне допускаю, что кое-кто придерживается иных взглядов. Недавно после выступления в одном из техникумов ко мне подошла «пооткровенничать» семнадцатилетняя девушка.

— Вот вы говорите, что время взрослой любви наступает в 18—19 лет. А если оно ко мне уже сейчас пришло? — даже с некоторым вызовом спросила студентка. — Разве я не имею права любить и быть любимой? Я уже созрела для любви. Скоро полгода, как я стала взрослой женщиной...

Насчет «взрослой женщины» — не знаю, но мне показалось, что эта девушка одно лишь свое желание любить приняла за любовь. А это все-таки разные вещи, согласитесь. Для сексуальных отношений человек должен созреть не только физически, но и прежде всего духовно и душевно. А это чаще всего происходит к 18—20 годам. Меня могут спросить: а как же Ромео и Джульетта и их нынешние юные последователи? Ответу: мы долгое время заблуждались, пытались сравнивать литературных героев с реальными людьми. Конкретных людей, жизненные ситуации можно сравнивать только с жизнью.

В юношеском возрасте созревают психические и биологические потенции организма. В то же время усиливаются мировоззренческие поиски, духовные стремления, формируются идеальные представления о любви и о любимом человеке. Юноша в этом возрасте начинает искать «свой идеал». Он хочет утвердить себя в собственном сознании, во мнении товарищей, быстрее стать мужчиной. Средством к этому он видит в физическом обладании. Однако, сталкиваясь с новым для него переживанием, связанным с более близким общением с женщиной, не зная, как правило, почти ничего о психологических закономерностях сближения, он нередко встречает непонимание со стороны девушки или испытывает разочарование. При этом случается, что как раз тогда, когда партнер в наибольшей степени отвечает идеальному образу молодого человека, он начинает испытывать в отношениях с ним неловкость, странную пустоту и отчужденность. Физическое влечение и идеальное стремление как бы расходятся,

выступают как несовместимые. В душе юноши происходит борьба между желанием обладания и боязнью того же обладания. Девушка создает себе идеал молодого человека, который, как правило, старше по возрасту, мужественнее большинства ее сверстников. Поэтому и для нее идеал часто не совпадает с действительностью. Эти особенности психологического развития в молодом возрасте способствуют закреплению двойственности любви и полового влечения, приводя к романтизации одного объекта и эротизации другого. В результате всех этих обстоятельств происходит снижение общего количества связей чисто романтического типа.

Вторая тенденция — некоторое расширение «отчужденных» сексуальных отношений, имеющая сложные морально-психологические причины.

Напряженность и неуверенность в юношеском возрасте возникают нередко вследствие того, что одни социальные группы (семья, школа, друзья детства) уже не оказывают влияния на поведение, не являются авторитетными, в то время как молодой человек или девушка еще не вошли в жизнь трудовых коллективов, не приобрели близких по духу друзей. Когда этот переходный период затягивается, то для психически неустойчивых натур, для людей с низким уровнем культуры сексуальные отношения начинают представлять выходом из положения, способом преодолеть изоляцию. Но «отчужденные» отношения не только не способствуют преодолению одиночества, наоборот, они приводят в конечном счете к душевной опустошенности, к отказу от идеалов, к потере самой способности любить.

...«Товарищ доктор, а вы знаете, что многие девушки и парни начинают активную половую жизнь с 16 лет?» — спросил меня недавно автор анонимной записки. Знаю. И даже могу привести четыре наиболее характерных типа добрачных сексуальных отношений.

Первый — максимально отчужденный. Это представители так называемых «раскованных» парней и девушек. Как правило, они вступают в связь случайно. Их партнером обычно является человек, значительно старший по возрасту и с отличными культурными запросами.

Второй тип — эмоциональный. Мотивом служит любопытство, реже — половое влечение. Партнером выбирают друга, подругу или хорошего знакомого, близких по возрасту и культурным запросам. Особых чувств друг к другу партнеры не испытывают. На языке молодых, такие сексуальные отношения «помогают снять напряжение».

Третий тип — наиболее распространенный. Мотивом служат любопытство и половое влечение. Партнерами являются молодые люди из одного класса, студенческой группы, компании. Их связывают общие интересы и повышенная эмоциональная вовлеченность.

Четвертый — любовно-романтический. Мотивом близости служит любовь. В качестве партнера выступает невеста или жених.

Сегодня стало очевидным, что с каждым годом увеличивается число молодых людей, вступающих в добрачные половые отношения. Как среди юношей, так и среди девушек. Причем возрастной барьер становится все ниже. Конечно, ранние сексуальные связи до наступления совершеннолетия справедливо осуждаются общественным мнением. Зачастую они наносят непоправимый вред здоровью юных женщин, будущих матерей: это и первые аборты, которые чреваты последствиями, ранние беременности и роды... Не секрет, что многие 15—17-летние женщины в силу разных обстоятельств отталкиваются от своих детей.

Но только ли в этом виноваты наши «раскованные» парни и девушки? А разве мы, ученые, медики и педагоги, не несем никакой ответственности?

«Я» никогда не умел быть первым. — поет Борис Гребенщиков. Как и все его творчество, строка эта столь же личностно-конкретна, сколь и философски многозначна в смысле своего назначения. Поэт, композитор и вокалист «Аквариума» в ансамбле не просто первый (хронологически — в качестве его основателя), но бывал зачастую и единственным музыкантом этого не совсем обычного коллектива; Гребенщиков выступал соло или в паре с виолончелистом Всеволодом Гаккелем на концертах, которые — «из города в город по квартирам чужих друзей». Гастроли проходили в камерной обстановке вовсе не оттого, что песни «Аквариума» интимно-звучны (хотя этого у них не отнять), или оттого, что для их оптимального восприятия требуется «аквариумная» аура; просто до недавнего времени ансамблю нечего предоставлять широкую сцену. То ли кого-то смущал раскованный внешний вид, то ли не давал покоя хулиганский ярлык, доставшийся раннему «Аквариуму» за эксцентрические проделки («зачем же на гитаре зубами солировать?.. что-то он хотел сказать этими черными очками и галифе... ну, где это видано — мужик в юбке!»). А быть может, мерещилось нечто крамольное за изящными метафорами...

Сам Гребенщиков совершенно однозначно расшифровывает свое творческое и гражданское кредо: он — часть своего общества, частица своей Родины и не мыслит себя вне того, что окружало его с детских лет. С легкой ироничной улыбкой (скрадывающей понимание, что от него не совсем этого ждут) говорит об этом руководитель «спорного ансамбля» французским журналистам, снимавшим фильм о советской рок-музыке. В этой ленте «Аквариуму» отведена почетная роль «красной нити». Рефрен его программной песни «Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет» слышен не только в начале и в конце (под

титры); так или иначе звучат весомые, сильные аккорды и в лукавой усмешке Аллы Пугачевой («Как у нас «звезды» живут? Так же, как у вас. Только денег меньше») и в подчеркнута-взвешенных, спокойных монологах Стаса Намина, в битловских манерах «Секрета» и в замысловатой технике одного из лучших джазовых пианистов мира Сергея Курехина. Последний, кстати, часто помогал «Аквариуму» при записи его программ, и виртуозная игра Курехина слышна на первой долгоиграющей ансамбля. Скоро фирма «Мелодия» выпустит еще одну пластинку, которая, по-видимому, будет состоять из старых шлягеров ансамбля, давно уже знакомых любителям «Аквариума» по его «кассетным альбомам». Лед тронулся?

Это обывательская неправда, что талант, дескать, сам пробьет себе дорогу. Потому что количество препон на этой дороге механически нивелирует качество дарования. Силы, потраченные на пробивание своих вещей, никогда не вернутся новыми строчками и мотивами. К чести музыкантов, «Аквариум» остался самим собой, хотя музыка его и претерпевала куда более радикальные изменения, нежели сценический имидж. Что не особенно-то характерно для рок-кумиров. Но «Аквариум» во всем нетипичен. Им порой даже отказывали в принадлежности к шумному рок-племени.

Помню, года три назад, после сдачи очередной программы тяжеловесного «Круиза», я поспорил с одним заметным деятелем музыкального искусства на тему: есть ли право у исполнителей менять свое творческое лицо в угоду конъюнктуре Госконцерта, то есть, иначе говоря, ради куска хлеба; «у нас рокеры вынуждены прогибаться», — мастерски используя околмузыкальный сленг, доказывал мой оппонент, а когда я привел пример «несгибаемого» «Аквариума», возразил: «Ну-у, это — не рок».

Вот так-то. Для многих замысловатость эпитетов, прозрачная лиричность текстов и набор нетрадиционных для

«забойных песенок» инструментов (акустическая гитара, флейта, виолончель, скрипка..., расческа) тождественны отторжению «Аквариума» от динамичной и бескомпромиссно звучащей рок-музыки.

Однако в разряд так называемых авторских, «казспэшных» я не решился бы отнести ни одну из профессионально сработанных вещей Гребенщикова. Авторская песня и бард-рок суть разные вещи и содержанием, и адресом, просто для непохожего всегда ищут сравнения с чем-то максимально упрощенным.

И все-таки мне непонятно: каким образом Гребенщикову удается сохранять своеобразие и узнаваемость при его манере не всегда критически следовать разным направлениям. Стили меняются как перчатки. «Аквариум» был первым отечественным ансамблем, играющим рафинированный панк-рок. Они же стали и пионерами неоромантики. В некоторых программах классический блюз соседствовал с акустическими изысками «а ля „Пинк Флойд“», исповедальными балладами, подплясывающим рэг-таймом, фольклорным боевиком, старым рок-н-роллом и плюс все это умело сдобрено элементами нетрадиционного симфорора. Но никакой эклектики! Принцип целостности никогда не нарушался, каждый жанр говорил на своем музыкальном языке, хотя и не диктовал отношения к тексту. Стихи оставались равными себе и, на мой взгляд, вкус Гребенщикову не изменял — он всегда пытался избежать подгонки строк под музыкальные параметры, и именно поэтому не происходило насилия над идеей во имя доступности смысла.

Хотя... руководителя «Аквариума» постоянно упрекают в его якобы неуемном стремлении к элитарности. Речь не о рисунке мелодий, необычной расцветке гармоний и даже не о рамках неординарной аранжировки. Претензии — по ту сторону музыкальной живописи. «Поэт для поэтов» — из этой чаши испили все художники, отва-

жившиеся на эксперимент. Многосторонняя одаренность Гребенщикова недолгима от его исканий, он подлинный реформатор.

Недрузи «Аквариума» уверяют, что автор текстов, иногда нарочно сгущая искусственный туман метафор, запутывает слушателя в причудливых сюжетах и образах («здесь дворы, как колодцы, но нечего пить...»). Мне кажется, это типично мешанский девиз: раз непонятно, значит, плохо. Рок-мастерство Гребенщикова предполагает определенный уровень эрудиции и душевной открытости. Я не знаю других песен, обладающих таким же глубоким ассоциативным потенциалом. Бесспорно, «Аквариум» сформировал новую модель нашей рок-поэтики, преуспев в создании подосознательного сочинительства больше, нежели когда-то А. Введенский и Д. Хармс.

Некоторые, проводя параллели с англоязычными аналогами, намекают на космополитическое элигонство и компиляцию. Но создатель группы, игравшей «новую волну» до того, как она набрала высоту на обоих берегах Атлантики и изошла пеной прайм-рока, вовсе не скрывает своего почтительно-го отношения к Брайану Ино и Дэвиду Боуи (на последнего он похож не только сценическим антуражем, интонацией и манерой исполнения, но и внешне, между прочим...). Странное дело, обвинить, допустим, Гоголя в заимствовании сюжета «Ревизора» у Вельтмана или Булгакова в плагиате у Сервантеса никому в голову не приходит, а вот поди же, раз Гребенщиков «сидит на красивом холме», как тут не вспомнить битловскую «The fool on the hill».

Сюр по-прежнему эпатирует обывателя пугающей противостоительностью. А если разобраться, то «умнее спать и видеть сны о чем-то большем» подражает дар угадывать в «степном волке» героя Германа Гессе, а в «той, что стоит за левым плечом» — Смерть; но если кому-нибудь на ум пришла, допустим, классная руководительница,

так и слава богу, главное — воспринимать музыку в соответствии со своими чувствами, а не пытаться анализировать текст, пользуясь багажом знаний.

Кстати, я замечаю, что многие вроде нарочито усложненные образы «Аквариума» имеют вполне земную почву и ясное толкование. Не знаю уж, как там «сидя на холме», но «сидя на крыше», Гребенщиков в реальной своей жизни творит, отдыхает, принимает гостей и даже относительно недавно справил свадьбу — и никакой мистики — из бессонной ленинградской коммуналки на последнем этаже рукой подать до крыши. Или загадочный «капитан Африка», — чуть ли не ключевая фигура магнитофонного альбома «Радио Африка»; это не мистический дух, вызываемый расстроенным лирическим героем, а реально живущий мальчишка, друг музыкантов и их былой спутник во время московских концертов.

Вообще говоря, у Гребенщикова сложилась более цельная система образов, чем у прочих поэтов-песенников (включая и пеструю когорту бардов); если тот же Макаревич мечется между стихией (море, лодки, корабли) и твердью (дома, двери, мосты), то Гребенщиков последовательнее: снег, река, вода...

Впрочем, его новаторство состоит не в том, что не случайные слова он трансформирует в знакомые символы, проверенные опытом общения с искусством, а в подборе этих знаков, намечающих как бы пунктир, но — дальше, границы поэтического рок-языка раздвигаются, меняются представления об его закономерностях, ведется доверительный разговор, здесь чувства взяты не напрокат, посему всякая риторика нестерпима («вот моя кровь, вот то, что я пою, что я могу еще?»). Поэт берет себя предвидеть и тем доводит себя до отчаяния. Его скрытая скорбь и обнаженная искренность не врачуются ни гротеском, ни социальной сатирой, которые между тем удаются «Аквариуму» так же, как насыщение песен неприятием подлости и предательства.

Хвала благодарности — ныне концентрируют внимание на самих песнях, а не на алой рубахе и перехваченных в косу волосах их автора. Все эти годы, пока иные писатели повесть за повестью складывали в стол, а смелые киноленты пылились на полках, Борис Гребенщиков «пел, что пел, и хотя бы в том совесть его чиста».

Он и в самом деле не из тех, кто ждет у моря погоды, он делает эту самую погоду. Ведь он — уроженец города на Неве. И этого нельзя не заметить: всем своим существом созвучен он знаменитым своим землякам; есть в его песнях и загадочность Гумилева, и горечь Берггольца.

Но у «Аквариума» все еще впереди: самая теплая песня-письмо, самая точная песня-смех и самая пронзительная песня-боль; присущая Гребенщикову боль от осознания несовершенства жизни. И мужество авторского взгляда на поиск в ней смысла, достойного надежды и любви.

А о любви Гребенщиков умеет говорить так, что нам, скептически воспринимающим песенки про любовь (дань образцово-показательной напомаженной эстраде), открывается вся лиричность этого чувства, он знает, как выстроить слова, и подбирает к ним волшебную музыку: «Твое тело, как ночь, но глаза — как рассвет».

Истинное в искусстве рождается от брака между великой неудовлетворенностью собой и осознанием собственного достоинства.

«Я никогда не умел быть первым из всех, но я не терплю быть вторым».

НЕУСТАНОВЛЕННОВА

ЛИЦО

Сергей УСТИНОВ

По дороге Игнатов рассказал, что парень, который сидел за рулем этих самых «Жигулей», совершенно не виноват. У него даже скорость была небольшая: сбросил, потому что собирался поворачивать направо к университету. Практически он ничего сделать не мог — женщина летела, как ошпаренная, есть свидетели. Когда водитель ее увидел, было слишком поздно, он только и успел, что вдарить по тормозам, да попытался в последний момент объехать ее справа, но уже не смог: она ударилась о левое крыло, перелетела через капот и упала на газон. Наверное, это ее и спасло. «Скорая» подъехала через десять минут, при первичном осмотре врач определил, что вроде ничего не сломано, только плечо вывихнуто и множественные ссадины на голове и на ногах. Да, одета она была в яркое платье, и сумку ее, плетенную из соломы, с цветочками, Игнатов тоже запомнил.

Мы стояли в полутемном коридоре приемного покоя и ждали дежурного врача, который пошел узнавать, в какое отделение положили Салину. Наконец он вернулся.

— Десятнадцатый корпус, семьсот пятнадцатая палата. Это неврология. Первичный диагноз: ушиб головы, подозрение на легкое сотрясение мозга, состояние шока. Вывих плеча ей вправили еще здесь. — Врач посмотрел на часы: — Вам что, обязательно надо видеть ее прямо сейчас?

— Да, — твердо сказал Северин, — прямо сейчас.

Десять минут спустя мы уже знали, что никакой Александры Салиной в семьсот пятнадцатой нет. Дежурная по отделению, молоденькая врачиха, напуганная визитом суровых молодых людей с грозными удостоверениями, волнуясь, рассказывала:

— Конечно, я ее помню, это моя была больная. Везучая, я ей так и сказала: вы везучая! Надо же, в такой переплет попасть — и в живых остаться! Ничего! Ни перелома, ни даже сотрясения! Ушиб головы — и все! Но, видать, этот наезд здорово на нее подействовал: целые сутки от шока отойти не могла. Лежит на кровати и в потолок смотрит. Мы уж заволновались даже, но посмотрели ее — никакой патологии. Вообще-то такое бывает — я шок имею в виду. А вечером в понедельник... В понедельник?.. Да, в понедельник! Два дня назад встает она и приходит сюда, в ординаторскую. Я аж испугалась: бледная, за стенку держится, а глаза так и горят! Где, говорит, у вас можно позвонить? Я ей отвечаю: звоните отсюда. Потому что, думаю, пойдет к автомату да еще грохнет по дороге. А она постояла немного и повернулась уходить. Я ей говорю: что же вы, говорю, не стесняйтесь, звоните! А она мне: я передумала! Представляете? Странная, в общем, девица...

Странная девица выписалась из больницы на следующий день, во вторник утром. Шок как будто прошел, и оснований держать ее под наблюдением больше не было. К тому же она настойчиво просила врачей отпустить ее поскорее, объясняя, что у нее в городе важные дела.

При последних словах Северина передернуло.

— Ставлю полкило морфия против прижизненного Пушкина, — мрачно изрек он, когда мы спускались по лестнице, — что сегодня ночью нам спать не придется.

В окнах квартиры, принадлежащей Александре Салиной, было темно. На звонки в дверь никто не реагировал. Только что мы подняли с постели Комарова, который согласился, что времени терять нельзя, дал «добро» немедленно делать осмотр и приказал, если что, звонить ему тотчас. Мы молча сидели в машине. На то, чтобы передохнуть и хоть чуть-чуть собраться с мыслями, у нас оставалось минут пятнадцать — до тех пор, пока не придет дежурная бригада с Петровки. А еще через час Северин докладывал по телефону Комарову:

— Платье точно такое же, как на трупе, только грязное и драное, лежит на кресле. Сумка один к одному, как та, что нашел Балакин, висит в прихожей. В ней паспорт Салиной, косметичка побогаче, правда, чем у Троепольской, и на дне коричневый плащ. В тумбочке возле кровати обнаружены шприцы, иглы, коробка папирос, анаша, пакетик с белым порошком, похожим на морфий. Кровать разобрана, смята.

Но даже в докладе начальству верный себе Северин самое главное оставил напоследок:

— И еще, Константин Петрович. Тут... ковер как-то

криво лежит, край у него завернут. Потом стул опрокинут, пепельница на полу вверх дном. В общем, похоже на следы борьбы.

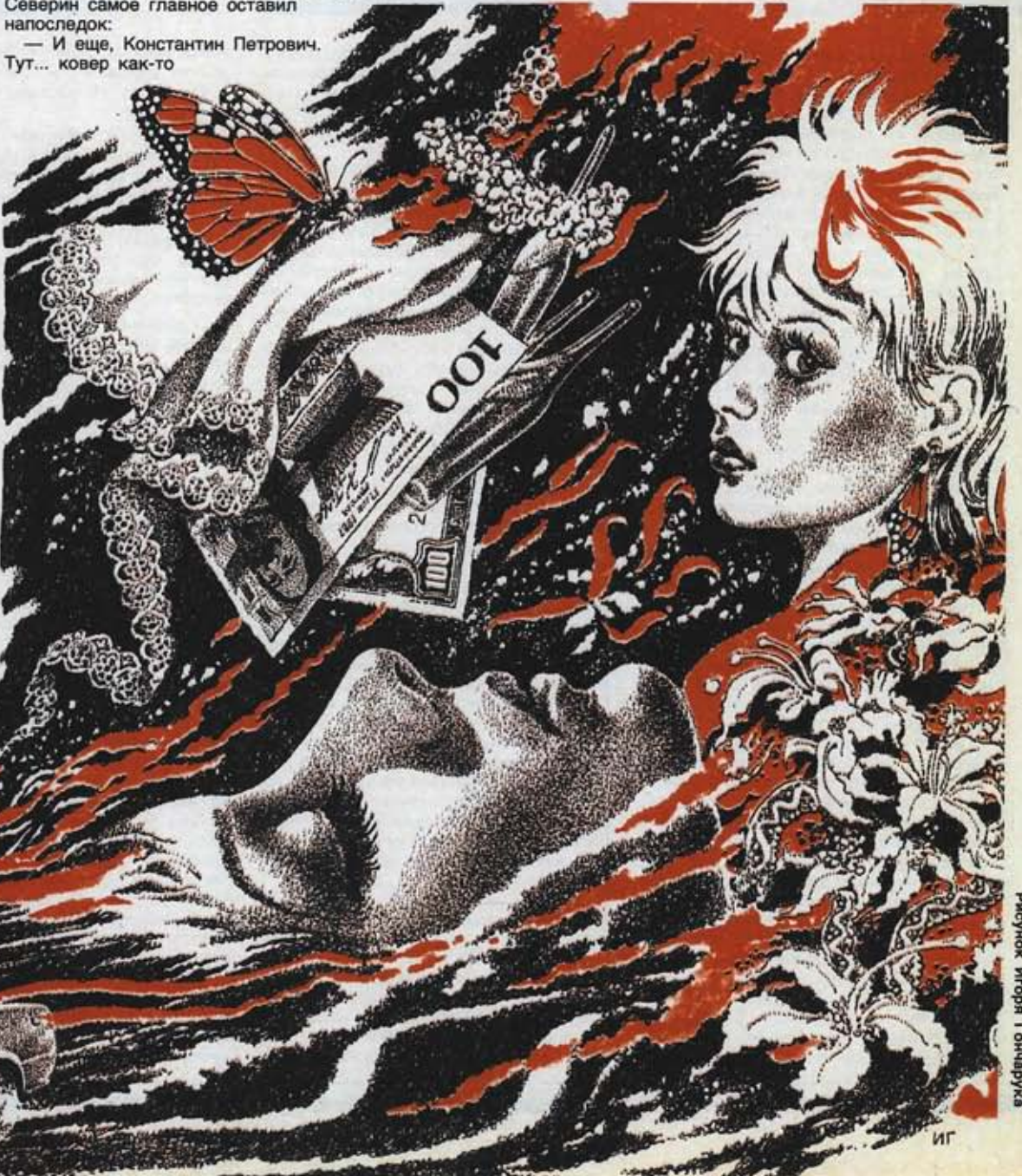
17

— Слушай, — говорил Северин, выходя из ванной в облаке одеколонных паров и звонко шлепая себя по щекам, — а может, она просто с глузду съехала? Представь себе: сначала убийство, потом под машину попала! Тут у кого хочешь мозги в трубочку завернутся.

Я вяло кивал, не соглашаясь и не возражая. Под утро мы заехали ко мне — принять душ, выпить кофе, вывести несчастного Антона.

— А что, — воодушевляясь, продолжал Стас. — Предположим, ей каким-то образом попала в руки сумка этой Салиной. Там паспорт, ключи, внешне девица похожи, как два новых гривенника. И вот под влиянием всего, что случилось, ей показалось, что она не она, а другая. А?..

К концу последней фразы северинское воодушевление стало заметно спадать. Я молча пил кофе. Мы оба прекрасно понимали, что психическим расстройством действий Троепольской не объяснишь. Если тут и было сумасшествие, то совсем другого рода. А главное, меня не покидало досадное ощущение, что ключик от замочка у нас есть, что он где-то на виду, я точно видел его краем глаза, даже потянулся, чтобы поднять, да отвлелся, потерял фокус, сказала ночь без сна, и теперь никак не могу припомнить, что же это было. Деталь, улика, логическая связка?

Продолжение. Начало
в №№ 15—17.

Читайте в ближайших номерах:

Герой Социалистического Труда академик Андрей Трофимук. Уроки революции.

Трудности перестройки. Делегаты XX съезда ВЛКСМ о своей работе.

Создаем Всесоюзный детский фонд.

Встреча через 20 лет.

Рассказ Марии Прилежаевой.

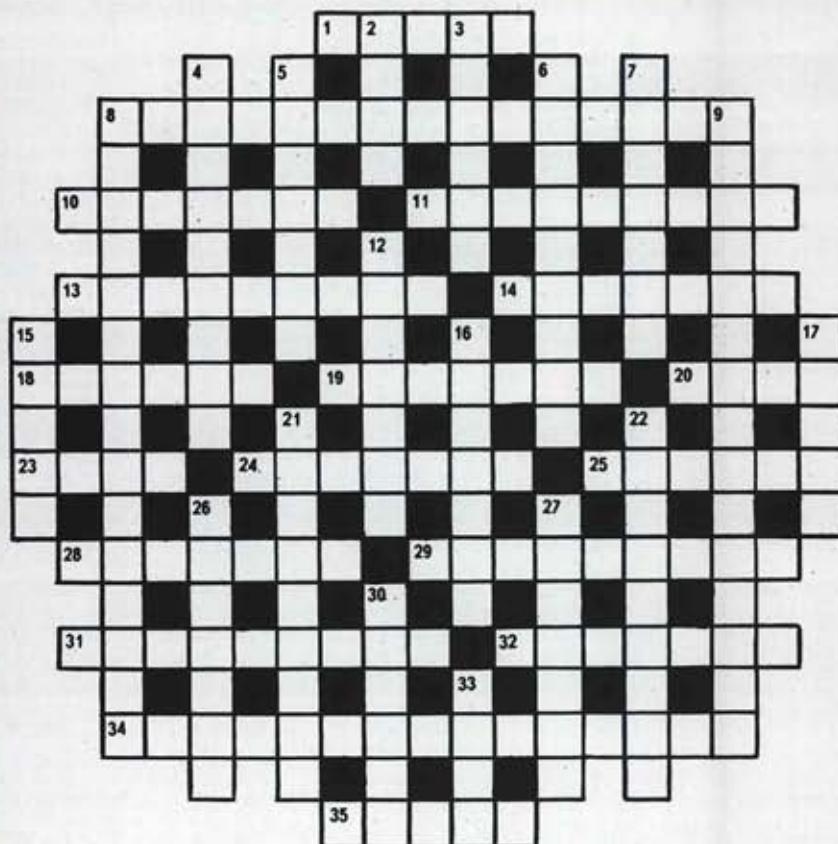
Отечество. Изборск.

В музыкальном клубе — Владимир Кузьмин.

Секс и молодежь. Тайны для двоих.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

По горизонтали:

1. Обмотка, в которую крестьяне прятали монеты, идя в Нижний Новгород пожертвовать их Кузьме Минину на народное ополчение. 8. Военная разведка. 10. Крупный город, близ которого началась вторая мировая война. 11. Документальный жанр, основной в творчестве Андре Моруа, Анри Перрюшо, Стефана Цвейга. 13. «... ангелов» — гротескно-фантастический роман А. Франса. 14. Разновидность флейты, обычный в старину инструмент украинского пастуха. 18. Назначение за товар большей цены, нежели он стоит. 19. А. Стаханов, Н. Изотов, П. Кривонос по отношению к работе. 20. Город детства и юности героев в романе В. Каверина «Два капитана». 23. Самоцвет, который, по старинному поверью, должен

был носить человек, родившийся в октябре. 24. Знаменитый английский ученый, которому в Мадриде перед одной из арен для боя быков поставлен памятник. 25. Самый известный у нас из швейцарских живописцев. 28. Древнее искусство узелкового плетения, популярное в наши дни. 29. Посреди двора золотая голова (загадка). 31. Рассказ В. Гаршина. 32. Начальные правила чтения и письма, которые, по словам Н. Добролюбова, поэту А. Кольцову дались «весьма легко». 34. Бортовое навигационное устройство на самолете. 35. Представитель народа, благодаря которому танго из африканского превратилось в испанский танец (до современной красоты его довели аргентинцы).

По вертикали:

2. Газ, нередко присутствующий в природном метане. 3. «Служить бы рад, прислуживаться тошно» (герой русской литературы). 4. Одна из самых первых передающих трубок в телевизорах. 5. Гроссмейстеры С. Глигорич, Б. Ивков (национальность). 6. Первообытный пещерный человек, ставший синонимом грубияна, невежды. 7. Материк, омываемый четырьмя океанами. 8. Приборы и устройства для передачи информации на большое расстояние. 9. Создатель самолетов, вертолетов. 12. Украшение на черных волосах коро-

левы в повести И. Тургенева «Первая любовь». 15. Запоздалый путник в балладе В. Жуковского «Лесной царь». 16. Треугольная плоскость, завершающая фасад здания. 17. Главная добыча охотника на пушных зверей. 21. Настоящая фамилия Андрея Платонова. 22. Единица, которой измеряли допуски при постройке первых паровых машин. 26. Характеристика светящихся тел. 27. Словесное оружие габровца или одессита. 30. Жители пристани на Ишиме недалеко от Петропавловска. 33. Сибирское название крутого скалистого берега реки.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, опубликованный в № 17

По горизонтали:

3. «Талер». 8. Скрипка. 9. Окарина. 11. «Пират». 12. Бидструп. 13. Тулумбас. 14. Аюмаа. 17. Уайно. 20. Орган. 21. Контрабас. 22. Чижко. 25. Росси. 28. Хуур. 29. Цистра. 30. Нанно. 32. Йырчи. 33. Тритон. 34. Альт. 35. Итака. 39. Атаба. 42. Флексатон. 43. Тбала. 44. ...фагот. 46. Юрлов. 50. Офikleйд. 51. Тримитас. 52. Ишоко. 53. Нильсен. 54. Розетка. 55. Аната.

По вертикали:

1. Тростник. 2. Спорт. 3. Таппа. 4. Пирам. 5. Ротта. 6. Табла. 7. Циумарно. 8. Соинари. 10. Ажарас. 15. Юрта. 16. Адажио. 18. Торупилль. 19. Панталеон. 22. Чанги. 23. Шунда. 24. «Охота». 25. Райта. 26. Сурна. 27. Исида. 31. Колкер. 36. Тубафон. 37. Колокола. 38. Уасо. 40. «Травиата». 41. Блокада. 45. «Месса». 46. Юдина. 47. Лиома. 48. Вторая. 49. Линзи.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1448)

сентябрь 1987

Москва, издательство «Правда».

Главный редактор **Альберт ЛИХАНОВ**

Редколлегия:

- Валерий ВИНОКУРОВ**
- Борис ДАНОШЕВСКИЙ** (ответственный секретарь)
- Владимир ДЕСЯТЕРИК**
- Михаил КИЗИЛОВ** (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ**
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ**
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**
- Евгений РЯБЧИКОВ**
- Вадим САЮШЕВ**
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ**
- Владислав СЕРИКОВ**
- Игорь СЕРКОВ** (заместитель главного редактора)
- Олег ШЕСТИНСКИЙ**

Главный художник **Виталий ФЕДОРОВ**

Художник **Вячеслав ПАВЛОВ**
Технический редактор **Александра ГУСЕВА**

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 250-29-39 — коммунистического воспитания, 251-32-84 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 212-13-19 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.08.87. Подписано к печати 17.08.87. А 05124 Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21;7. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 2389. Заказ № 1107. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды». 24.

вый. И от кого? От девчонки, которая не то что на воде ни за что на свете не удержится — с пологой горки на лыжах не скатится. Они тут такие виражи закладывают, что с берега смотреть страшно, не всякий выдержит такое зрелище, а ей, видите ли, смешно. Предложить, что ли, попробовать, да упадет ведь сразу, вылавливай ее потом.

А она вдруг сама напросилась. Это уже переходило всякие границы... В момент организованная спасательная команда заняла места на пирсе — растягиваться вдоль берега не имело смысла, ибо каждому было ясно, что далеко эта маленькая задала не уедет.

Но вот катер, натягивая трос в тугую струну, тронул с места, и девчонка поехала и не упала! И это в первый раз в жизни встав на водные лыжи! То, что прежде она занималась акробатикой, в расчет не принималось — на суше и они умели кувырнуться, и неплохо. И если бы в тот вечер в апогей переполоха на тихом полесском берегу нашлся

кто-нибудь, кто сказал бы минским мальчишкам, что они видели сейчас первую попытку будущей чемпионки Европы, те бы уже не удивились — ведь именно так, по их мнению, и должны начинать чемпионы.

После такого триумфа Марину от воды было уже не оторвать. Акробатика, впрочем, тоже не подверглась забвению и служила отличным подспорьем в специальной подготовке. Тренер воднолыжного клуба «Олимпия» Виктор Новожилов получил ученицу, обладавшую отчаянной смелостью, прекрасной координацией, склонностью к самым невероятным импровизациям.

На первом своем европейском первенстве в Швеции завоевала «бронзу». И очень расстроилась — считала, что победили ее не более умелые, а просто более удачливые в тот день. А годом позже, сидя на влажном каменном берегу Темзы, размышляла уже о том, что же умеет сама. Учиться? Пожалуй — и школу, и Минский институт физкультуры успешно окончила. Фотографировать?

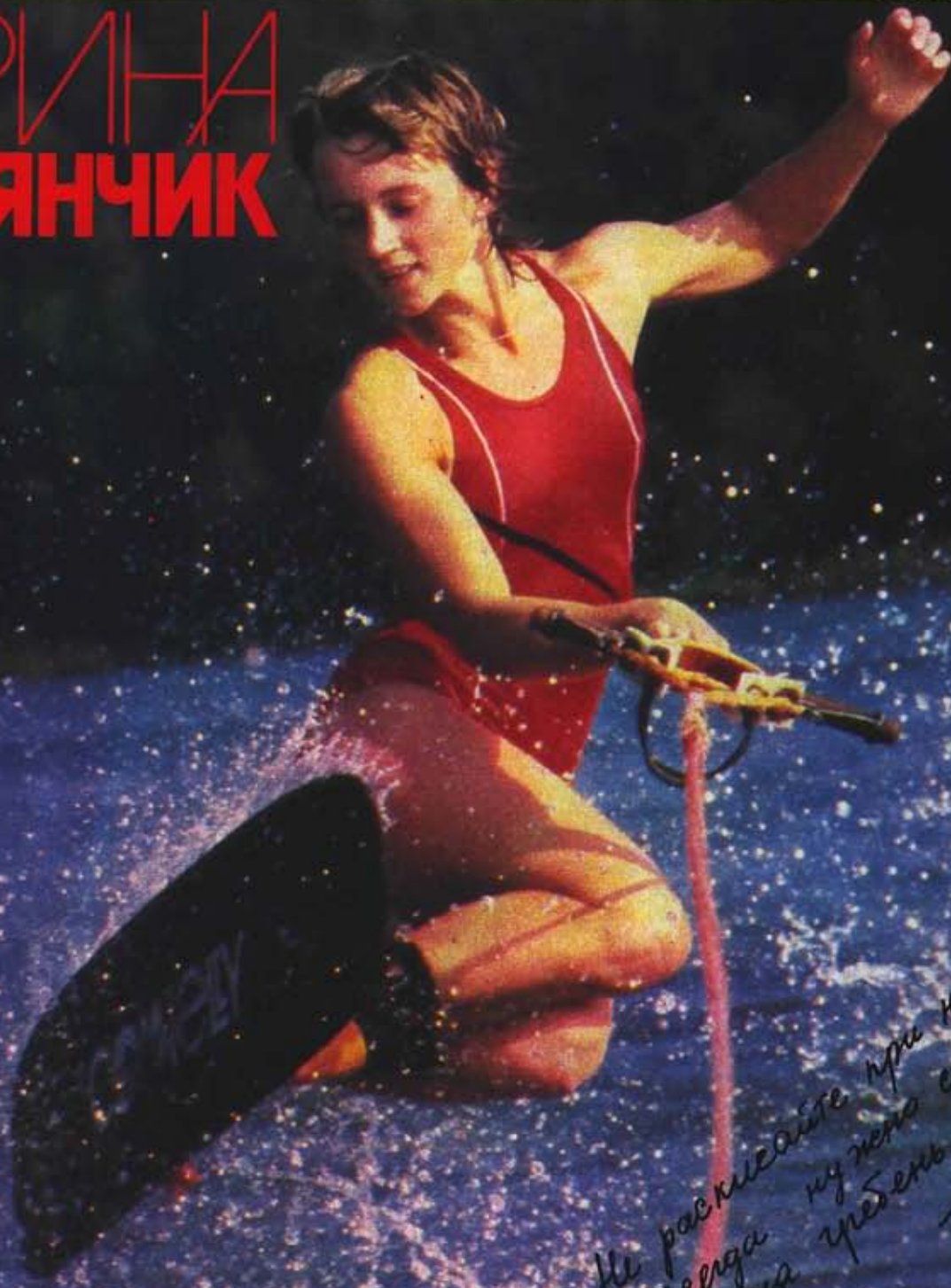
Из слайдов, что она в поездках снимает, у них в клубе целые видовые фильмы составлены, и смотреть их очень интересно, особенно когда Марина еще и комментирует. Отдыхать? Вот этому как-то не научилась — все тренировки, экзамены, соревнования...

Она раздумывала, а соперницы тем временем падали одна за другой. Немудрено — ветер с такой силой задувал, что организаторам первенства континента пришлось два катера пускать друг за другом — один волны глушил, другой тянул воднолыжника. Только и эти меры мало помогли, редко кто в воде, уже без буксира, не оказывался, Марина подумывала даже о том, чтобы самые сложные фигуры из своей программы исключить. Но тут же и одернула себя: себе изменять — не в ее правилах!

Первый катер тронул, второй, она поехала, и... Ну конечно, где это вы видели, чтобы падали чемпионки Европы?!

Галина СЕРЕГИНА

МАРИНА АМЕЛЬЯНЧИК

*Не расписывайте при неудачах!
Всегда нужно стремиться
на уровень выше!
Марина*

Фото Владимира Амелина